

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

И.В. ВОЛКОВА

СССР И ГОМИНЬДАН

Военно-политическое сотрудничество
1923—1942 гг.

Новейшие исследования по истории России

Ирина Волкова

**СССР и Гоминьдан.
Военно-политическое
сотрудничество. 1923—1942 гг.**

«Центрполиграф»

2023

УДК 94(470)"1923/1945"
ББК 63.3(2)6-6

Волкова И. В.

СССР и Гоминьдан. Военно-политическое сотрудничество.
1923—1942 гг. / И. В. Волкова — «Центрполиграф»,
2023 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-10456-4

Книга посвящена анализу изменений советского внешнеполитического курса по отношению к Гоминьдану (Национальной партии Китая), в период 1923—1942 гг. На основе опубликованных и архивных материалов развитие советско-китайского сотрудничества рассматривается с точки зрения целостного и преемственного процесса. В работе показано, как под влиянием международной обстановки и внутривнутриполитических факторов курс Советского Союза в отношении Гоминьдана на протяжении 1923—1942 гг. претерпел трансформацию от приоритетной поддержки коммунистического, национально-освободительного движения к прагматичному геополитическому подходу, на базе идеи обеспечения безопасности дальневосточных рубежей СССР. Автором прослеживается путь от формирования стратегии сотрудничества с Гоминьданом и принятия решений до реализации конкретных мер поддержки в политической и военной сферах. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470)"1923/1945"
ББК 63.3(2)6-6

ISBN 978-5-227-10456-4

© Волкова И. В., 2023
© Центрполиграф, 2023

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	12
1.1. Международная обстановка на Дальнем Востоке и ситуация в Китайской Республике в 1923–1932 гг	12
1.2. Формирование советской политики по отношению к Гоминьдану в 1923–1932 гг	26
1.3. Изменение баланса сил на Дальнем Востоке в связи с расширением японской агрессии в Китае	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ирина Волкова
СССР и Гоминьдан. Военно-
политическое сотрудничество. 1923—1942 гг

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

Рецензенты:

д. и.н. Васильченко О.А.,

д. и.н. Михайлов А.А.

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Волкова И.В., 2023

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

Предисловие

Начиная с первого русского посольства в Пекин в XVII в. и на всем протяжении последующих контактов выстраивание отношений с Китаем отличалось сложностью и требовало особого подхода. В XX в., учитывая возросшее взаимовлияние России и КНР и их потенциал в формировании международной обстановки на Дальнем Востоке, «китайское» направление приобрело принципиальную значимость в российской внешней политике.

Необходимость противодействия ряду глобальных угроз безопасности, таких как международный терроризм, транснациональная организованная преступность, незаконный трафик оружия и оборот наркотических средств, нелегальная миграция, торговля людьми, втягивание государств в региональные конфликты, эскалация кризисов и др.¹, требуют консолидации усилий государств даже при наличии между ними серьезных политических разногласий. Востребованной становится сетевая дипломатия, предполагающая гибкие формы взаимодействия.

Выстраивание диалога на региональном и глобальном уровнях невозможно без учета интересов сторон, без глубокого понимания внутренних мотивов и целей, определяющих стремление государств к международному сотрудничеству. В данном контексте весьма актуальным становится изучение сотрудничества государств АТР в обстоятельствах, когда их политические платформы, внешнеполитические задачи и модели развития существенно отличались. Историческим примером такого рода взаимодействия является военно-политическое сотрудничество СССР и Гоминьдана в 1923—1942 гг.

В начале XX в. Россия и Китай пережили революции и гражданские войны. Эти события кардинальным образом изменили не только дальнейшее развитие двух стран, но и характер межгосударственных связей. В последующие два десятилетия (1923—1942 гг.) отношения Советского Союза и Китайской Республики претерпевали кардинальные изменения: от тесного сотрудничества до балансирования на грани войны. На протяжении многих десятилетий идеология и политическая конъюнктура оказывали деформирующее влияние на оценку взаимоотношений СССР и Гоминьдана. Вследствие этого перед современной исторической наукой стоят задачи не только привлечения не использовавшихся ранее материалов, но деидеологизации и деполитизации данной проблематики, пересмотра или уточнения прежних концепций.

В 1920-х гг. — начале 1990-х гг. курс СССР в отношении Гоминьдана (ГМД) оценивался с позиций «интернационализма» и поддержки мирового революционного, коммунистического и антиимпериалистического движения, помощи «прогрессивным» политическим силам Китая, борющимся за национальную независимость. Приоритетное внимание при этом уделялось Коммунистической партии Китая (КПК).

Первые аналитические работы, касавшиеся политики СССР в отношении Гоминьдана, были опубликованы уже в конце 1920-х гг. Свой взгляд на развитие национально-революционного движения в Китае и причины кризиса советско-китайских отношений представили деятели ВКП(б) и Коминтерна. Поскольку появление этих работ было тесно связано с обострением фракционной борьбы в ВКП(б), для них характерна острая поляризация мнений. Дискуссии по китайскому вопросу и стратегии развития мирового революционного движения отличались тенденциозностью и стали одним из инструментов для подавления внутрипартийной оппозиции. С поражением последней надолго установилась линия на игнорирование ошибок Кремля и Коминтерна по отношению к Гоминьдану и на объяснение провала советского курса в Китае нерешительностью КПК и «предательской» политикой Чан Кайши.

В 1950—1980-х гг. вышли монографии по истории международных и советско-китайских отношений М.С. Капицы, Н.Г. Севостьянова, В.Я Сиполса, М.А. Дубинского². Сквозным мотивом при обосновании советской помощи «китайскому народу» в них служила идея интер-

национализма и пролетарской дружбы. Серьезным шагом к осознанию внутренних мотивов сближения Москвы и Кантона в 1920—1930-х гг. стала работа Р.А. Мировицкой, в которой на основе анализа интересов Гоминьдана и СССР показана совместная заинтересованность обеих сторон в сильном независимом Китае, определявшая развитие конструктивного диалога до тех пор, пока разрыв не был предопределен усилением в Гоминьдане правых сил³.

Взаимодействие СССР и Гоминьдана в период японо-китайской войны 1937—1945 гг. получило отражение в работах Б.А. Бородина, А.Г. Яковлева, Б.Г. Сапожникова⁴. В них корыстные интересы Японии, европейских держав и США на Дальнем Востоке противопоставлялись принципам интернационализма во внешней политике Советского Союза. Действия Москвы объяснялись с позиций борьбы за мир и оказания помощи «братскому народу», ставшему жертвой нападения Японии и пассивной позиции Лиги Наций. В свою очередь формы и способы оказания военной помощи Советского Союза Китаю в ходе японо-китайской войны 1937—1945 гг. нашли отражение в публикациях Ю.В. Чудодеева и Г.В. Астафьева⁵.

Для периода с 1990-х гг. по настоящее время характерна иная методология исследований, которая строится на поиске во внешнеполитической концепции СССР в отношении Китая геополитических мотивов. Взаимодействие двух государств воспринимается как составляющая сложной многофакторной системы международных отношений. Это способствует формированию широкого спектра подходов к изучению советско-китайского сотрудничества в 1920—1930-х гг., сопровождающемуся, однако, усилением фрагментарности исследований, тяготением к узким аспектам взаимодействия СССР и Гоминьдана в военной и политической сферах.

Примером нового методологического подхода к истории международных отношений в Дальневосточном регионе являются труды А.Д. Воскресенского и коллектива авторов под руководством А.Д. Богатурова⁶. В них в рамках концепции многофакторного равновесия советско-китайские отношения рассматриваются с учетом баланса сил и интересов СССР, Китая, Японии, США и европейских держав, что позволяет точнее выявить мотивы, обуславливавшие периоды сближения и расхождения позиций Советского Союза и Китайской Республики.

Большой вклад в изучение советско-китайского сотрудничества в 1920-х гг. в политической сфере внесли труды Н.Л. Мамаевой, А.В. Панцова, М.В. и В.М. Крюковых⁷. Они заложили базу для исследования роли СССР в стратегии Гоминьдана, эволюции внешнеполитических приоритетов последнего и отношения его к теории и политической практике международного коммунистического движения, влияния Коминтерна на национально-революционное движение в Китае и т. д. Подчеркивая классовый характер советской политики, исследователи приходят к выводу, что декларируемый НКИД курс на поддержку Кантона на практике трансформировался в стремление через КПК и Коминтерн добиться установления в Китае просоветского режима. При этом неудачи Москвы связываются с отсутствием последовательной программы действий, негативным влиянием внутрипартийной борьбы в ВКП(б), ориентацией НКИД на силовые методы, пренебрежительным отношением к мнению противоположной стороны.

Параллельно претерпел изменение подход к оценке личности Чан Кайши. Так, академик С.Л. Тихвинский⁸, раскрывая политическую историю Китая и его контактов с СССР на основе анализа биографий Чжоу Эньлая и Сунь Ятсена, делал акцент на противопоставлении их «преданности идеалам революции» реакционной политике Чан Кайши, основанной на антисоветских и антикоммунистических лозунгах. Тогда как в работах Ю.М. Галеновича⁹ переход Чан Кайши на антикоммунистические позиции объясняется стремлением лидера ГМД к защите интересов своей партии, к построению сильного и независимого Китая.

Сотрудничество СССР и Гоминьдана в военной сфере также получило отражение в отечественных постсоветских исследованиях. А.И. Картунова¹⁰ рассмотрела военный аспект политики ВКП(б)¹¹ и Коминтерна 1923–1927 гг. как часть стратегии в отношении революционного движения в Китае, обусловленную осознанием особого влияния армии на политические процессы в этой стране. Прекращение военного сотрудничества А.И. Картунова связала с преувеличением «народности» НРА и несвоевременной радикализацией революционного движения.

Подготовке кадров для партийных институтов Гоминьдана и НРА посвящены исследования Д.А. Спичак¹², А.Г. Юркевича¹³. В работах А.Г. Юркевича поднята проблема влияния Высшей военной школы Гоминьдана на о. Хуанпу (Вампу) на характер национально-революционного движения в Китае в 1920-х гг. и формирование режима Чан Кайши. Подчеркнуто существенное различие стратегий военного строительства НРА, разработанных Москвой и руководством Гоминьдана. В монографии В.Н. Усова¹⁴ представлен подробный анализ деятельности органов советской внешней разведки в Китае, раскрыта связь советских военно-политических советников при Гоминьдане с Коминтерном, ГРУ и ОГПУ. Большое значение для изучения советско-китайского сотрудничества в области военной авиации в 1930-х гг. имеет монография А.А. Демина¹⁵.

Характерной особенностью постсоветской историографии является усиление внимания к вопросу о сферах влияния на Дальнем Востоке СССР, Китая и Японии. Политика Токио на Дальнем Востоке стала предметом исследования А.А. Кошкина, Е.А. Горбунова, А.В. Шишова, К. Е. Черевко¹⁶. Их работы в значительной мере позволяют оценить реальность военной угрозы дальневосточным территориям СССР со стороны Японии в 1930-х гг.¹⁷

Зарубежные авторы также неоднократно обращались к теме взаимодействия СССР и Гоминьдана в 1920-х – начале 1940-х гг. Относительно советской внешнеполитической стратегии в западной историографии сложилось две основные точки зрения. По мнению британского историка И. Дойчера¹⁸, политика В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого в отношении единого фронта была направлена на завоевание КПК руководящих позиций в национально-революционном движении, в то время как стратегия Сталина была ориентирована на Гоминьдан, даже в ущерб интересам КПК. К. Брандт и Р. Норс¹⁹, не отвергая полностью обозначенную выше точку зрения, в большей степени склонялись к мнению, что у В.И. Ленина и И.В. Сталина отсутствовал последовательный план в отношении Китая и они расценивали дискуссию по восточному вопросу скорее как средство внутрипартийной борьбы.

Большое внимание зарубежные исследователи уделяют японо-китайской войне²⁰, концентрируя внимание в оценке советско-китайских отношений на геополитическом аспекте.

В частности, американский историк Дж. Гарвер²¹ выдвинул на первый план геостратегические интересы СССР и Китая на Дальнем Востоке, связав начало и окончание их сотрудничества с балансом между стремлением обеих стран к обеспечению своей безопасности и борьбой за сферы влияния в пограничных регионах – Монголии и Синьцзяне.

Для исследований в КНР длительное время было характерно высокое влияние идеологического фактора, отражающееся в завышенной оценке влияния КПК на внутривнутриполитические процессы в Китае в исследуемый период. Ярким примером такого подхода является монография Пын Мина²². Однако в настоящее время происходит переосмысление роли ГМД в становлении китайской государственности и противодействии Японии. Режим Чан Кайши перестает восприниматься как враждебный интересам Китая. В связи с этим изменяются подходы к оценке участия в рассматриваемых событиях КПК и СССР.

В частности, Ло Сяохуэй²³ называет советский фактор одним из наиболее значимых в формировании партийно-политической системы Гоминьдана. Ван Пэй²⁴ обращает внимание на противоречие между теорией и практической политикой СССР. Лю Шили²⁵, признавая большой вклад М.М. Бородин в формирование новой структуры Гоминьдана и его вооруженных сил, полагает ошибочной политику компромиссов Советского Союза с Чан Кайши после событий 20 марта 1926 г.

Оценивая советско-китайское сотрудничество в период японо-китайской войны, Сюэ Дэшу, Ай Хонг, Ли Яньлин, Чжоу Часянь, Ли Ланьфан, Чжан Хэ, У Чжансюй²⁶ сходятся во мнении о высокой эффективности и значимости советской поддержки для сил сопротивления японской агрессии. Вместе с тем Ай Хонг, Ли Яньлин основным мотивом оказания СССР широкой помощи Гоминьдану называют стремление не позволить Японии завершить войну в Китае и перенаправить экспансию на север. Сюэ Дэшу указывает на двойственность политики СССР. По его оценке, готовность Москвы к оказанию военной помощи противопоставлялась стремлению избежать обострения отношений с Японией и прямого участия в войне. Не отрицая заслуг СССР в поддержке национально-революционного движения и движения сопротивления агрессии Страны восходящего солнца, китайские исследователи склонны видеть в политике Москвы готовность пожертвовать интересами КПК для укрепления отношений с Гоминьданом.

Таким образом, следует констатировать наличие обширного комплекса монографий, научных статей и иных публикаций, касающихся различных аспектов взаимодействия Советского Союза и Китайской Республики в военной и политической сферах. Тем не менее как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях остается еще много дискуссионных вопросов относительно мотивов и целей советской политики в Китае, роли СССР в формировании политических институтов Гоминьдана и обеспечении боеспособности его вооруженных сил. Сохраняющееся в большинстве работ обособленное рассмотрение советско-китайских контактов в 1920-х и 1930-х гг. с проведением хронологической границы либо по распаду единого фронта в 1927 г., либо по конфликту на КВЖД в 1929 г. мешает целостному восприятию механизма внешнеполитических связей Советского Союза и Китайской Республики.

В связи с этим представляется необходимым еще раз в рамках этой книги проанализировать развитие военно-политического сотрудничества СССР и Гоминьдана в 1923–1942 гг. с точки зрения целостного и преемственного процесса. На базе широкого круга опубликованных и архивных документов из коллекций ГАРФ, РГАСПИ, РГВА, ГАХК, мемуаров, материалов периодической печати обратиться к следующим вопросам:

– как международная обстановка на Дальнем Востоке и внутривосточная ситуация в Китайской Республике в 1920-х – начале 1940-х гг. повлияли на курс СССР в отношении Гоминьдана;

– как трансформировалась советская политика в отношении Китая на протяжении 1923–1924 гг.;

– какие меры были реализованы СССР в рамках поддержки, оказанной Гоминьдану в политической и военной сферах? И как они зависели от общего вектора советской внешней политики.

Хочется надеяться, что это позволит приблизиться к комплексной, всесторонней, объективной оценке процесса и результатов военно-политического сотрудничества Советского Союза и Китайской Республики в 1922–1942 гг.

Автор выражает искреннюю признательность всем коллегам за содействие в формировании документальной базы и выработке концепции, представлении экспертных мнений и ценных замечаний, научное консультирование. Особая благодарность коллективу Института российской истории РАН, ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный

университет» (ФГБОУ ВО «АмГПУ»), доктору исторических наук, профессору, заместителю заведующего кафедрой истории по научной работе Института социально-гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО «МИГУ») С.В. Леонову, кандидату исторических наук, доценту кафедры истории философии и права ФГБОУ ВО «АмГПУ» В.В. Иванову за помощь в работе над данным исследованием и вклад в профессиональное становление автора.

Глава 1

Факторы, определявшие курс СССР в отношении Гоминьдана в 1923–1942 гг

1.1. Международная обстановка на Дальнем Востоке и ситуация в Китайской Республике в 1923–1932 гг

В 1922 г. с окончанием Гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке перед РСФСР (СССР) актуализировалась задача выстраивания контактов с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Учитывая сложности, с которыми столкнулся НКВД в Европе и Америке, азиатское направление становилось одним из приоритетных в советской внешней политике. При этом особое внимание уделялось Китаю²⁷. Значение, которое Москва отводила ему в своей стратегии, было отражено в «Объяснительной записке к проекту русско-китайского договора» (1923): «Наша ставка в Китае весьма велика, так как от выигрыша ее во многом зависит закрепление нашего положения тихоокеанской державы и выход на мировые пути из европейского тупика»²⁸. На характер взаимодействия с Китайской Республикой серьезное влияние оказывала специфика в ней внутривластной ситуации.

После Синьхайской революции в Китае образовались два ведущих политических центра. Один из них располагался в Пекине, где еще сохранял свое влияние бывший императорский бюрократический аппарат в союзе с северными милитаристами²⁹. Вторым политическим центром находился в Гуанчжоу (Кантон), где создавалась коалиция революционных сил во главе с лидером партии Гоминьдан (Национальная партия, ГМД) Сунь Ятсеном. В Кантоне был реставрирован старый (1913) парламент, изгнанный ранее из Пекина Юань Шикаем, а Сунь Ятсен избран президентом Китайской Республики. К кантонскому правительству примыкала Коммунистическая партия Китая (КПК). Оформившаяся в июле 1921 г. из марксистских кружков, она была малочисленна и слаба для самостоятельных действий³⁰. С ГМД ее сближало единство взглядов на вопросы, связанные с борьбой за национальную независимость и отмену неравноправных договоров с иностранными державами. Таким образом, на юге Китая сложилась администрация, альтернативная пекинской, а составившие ее политические партии выступили под лозунгами национальной революции и защиты суверенитета Китая.

Ни одно из китайских правительств не контролировало всю территорию страны. Реальная власть в провинциях принадлежала местным военным губернаторам. Опираясь на собственные армии и легко переходя из одного противоборствующего лагеря в другой, они действовали независимо от Пекина и Кантона³¹. Военные клики были заинтересованы в иностранной помощи. Непрерывные войны являлись для них основным средством к существованию, а слабо развитая китайская промышленность не могла обеспечить их необходимым вооружением. В 1920–1925 гг. Англия и США, с одной стороны, и Япония – с другой боролись за контроль над Пекином. Оказывая поддержку одной из конфликтовавших группировок северных милитаристов³² – Аньхойской (Аньхуэйской), Фэнтяньской и Чжилийской, – каждая из держав стремилась добиться формирования лояльного к ней правительства. Это еще более дестабилизировало обстановку в стране и являлось препятствием для централизации власти.

Внешнеполитическая стратегия СССР в отношении Китая имела выраженные дуалистические черты – НКВД стремился к одновременному установлению контактов с представите-

лями противоборствующих политических сил. Это определялось как ситуацией в Китае, так и целями, которые преследовала Москва.

Основной из них являлось идеологически обусловленное стремление к развитию мирового коммунистического движения и подъему национальных революций на Востоке. Для этого руководство РКП(б)/ВКП(б) и Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) делали ставку на кантонское правительство. Период политической и экономической нестабильности в Китае, последовавший за Синьхайской революцией, они оценивали как благоприятный для нового подъема массового протеста. РКП(б) была готова поддержать ГМД и КПК, связывая с ними возможность распространения коммунистических идей и превращения Китая в плацдарм революционного движения на Востоке³³.

В то же время Советскому Союзу было необходимо зарекомендовать себя как активного, самостоятельного участника международных отношений на Дальнем Востоке, готового на равных вести диалог с мировыми державами, а также добиться признания своей легитимности и вернуть прежние экономические позиции в регионе. Соответствующие цели, стоявшие перед НКВД, предполагали диалог с пекинским правительством, официально представлявшим Китай в мировом сообществе. Прежде всего это касалось восстановления дипконтактов с Китайской Республикой, а следовательно, признания СССР, что не могло быть обеспечено Кантоном. Взаимодействие с Пекином было необходимо для урегулирования и других проблем двусторонних отношений, затрагивавших советские интересы на севере Китая.

Во-первых, СССР требовалось в кратчайшие сроки принять меры по восстановлению охраны советско-китайской государственной границы, обеспечить защиту Приамурья, Приморья, Забайкалья от нападений белогвардейских отрядов, находившихся в Маньчжурии. Во-вторых, восстановить контроль над Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД). В-третьих, определить статус бывших подданных Российской империи, проживавших в Китае. В-четвертых, определить статус Внешней Монголии и основания для размещения на ее территории частей Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Эти вопросы также находились вне компетенции правительства Сунь Ятсена, изолированного в Гуандуне.

В результате в советском внешнеполитическом курсе развивались сразу два вектора: первый – направленный на установление официальных отношений на базе международного права, второй – ориентированный на межпартийное сотрудничество на идеологической основе. Эти линии не противопоставлялись друг другу, а увязывались в единую схему, сочетавшую отстаивание текущих интересов СССР с содействием мировой революции. В восприятии руководства РКП(б) наличие диалога с Кантоном не противоречило развитию контактов с Пекином.

Данная стратегия получила идеологическое обоснование. Советское правительство позиционировало себя в качестве выразителя интересов не только СССР, но и трудящихся других стран³⁴. Это позволяло объяснить все противоречия восточной политики, исходя из принципа пролетарского интернационализма – Москва контактировала с противоборствующими между собой политическими силами, поскольку все ее действия продиктованы борьбой за права китайского народа (а значит, и СССР, исходя из общности интересов мирового пролетариата). Тот факт, что пекинское правительство оказалось под влиянием империализма и пренебрегало волей собственного народа, оправдывало связи Москвы с Кантоном, как носителем революционных идей, а также попытки отстоять собственные сферы влияния на севере Китая.

Несмотря на двойственность советского внешнеполитического курса, он нашел отклик у китайской стороны. Пекин надеялся создать прецедент для продвижения идеи равноправных отношений с иностранными государствами. Москва со своей стороны рассчитывала на возможность ограничения в Китае влияния Японии, Англии и США³⁵.

В связи с этим закономерным шагом стало восстановление дипотношений СССР с Китаем. Этот процесс протекал в атмосфере давления на Пекин со стороны европейских и

американских дипломатов. 24 сентября 1923 г. полномочный представитель СССР в Китае Л.М. Карахан, сообщая в Москву о ходе переговоров, отмечал: «...главы всех миссий великих держав перебывали у министра иностранных дел и предостерегали его против признания нас *de jure*»³⁶. Французский представитель, в частности, заявил, что если Китай признает советское правительство, то это вызовет вмешательство иностранных держав. Посланник США Шурмэн произвел осмотр КВЖД, настаивая на опеке над магистралью. С этой целью на железную дорогу была направлена комиссия в составе секретарей миссий США, Англии и Японии³⁷.

В данной обстановке Кремль сделал Китаю ряд уступок, которые демонстрировали его дружественную позицию. В конце 1923 г. СССР прекратил взимание причитавшейся России контрибуции за ущерб от боксерского восстания. В 1924 г. Москва отказалась от концессий в Китае и права экстерриториальности для своих граждан³⁸.

31 мая 1924 г. состоялось подписание соглашения «об общих принципах урегулирования вопросов между Советским Союзом и Китайской Республикой», которым были восстановлены их дипломатические и консульские отношения. Подлежали расторжению все договоры «затрагивающие суверенные права или интересы Китая», заключенные «бывшим царским правительством», в том числе с третьими государствами³⁹. Это было важным шагом для обоих государств. СССР постепенно преодолевал международную изоляцию, в которой страна оказалась после Октябрьской революции 1917 г., а Китай создавал прецедент договора с иностранным государством на равной основе⁴⁰.

Соглашение 1924 г. заложило базу для начала обсуждения наиболее острых проблем двусторонних отношений. Прежде всего это касалось интересов СССР в пограничных районах Китая. Для советского правительства было крайне важно сохранить в них свое политическое и экономическое влияние, а также препятствовать аккумуляции антисоветских настроений. Последнее было весьма актуально в связи с тем, что в Китай, а особенно в его северные районы, после 1917 г. направлялся большой поток русских эмигрантов.

В 1920-х гг. в Маньчжурии проживало от 150 до 300 тыс. русских⁴¹. Здесь находились остатки армии адмирала Колчака, формирования генералов Дитерихса, Каппеля, атамана Семенова. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 г. эмигранты были лишены российского гражданства, их имущество подлежало конфискации. Это заметно ухудшило правовое и материальное положение выходцев из России. В радикально настроенной эмигрантской среде постоянно присутствовали идеи антикоммунистической борьбы.

Северная Маньчжурия, район КВЖД являлись ближайшей к России базой белой эмиграции. Только в Харбине в 1920-х гг. функционировал целый ряд антисоветских организаций: «Дальневосточный русский монархический союз», «Комитет представителей общественных организаций Автономной Сибири», «Восточный казачий союз», «Дальневосточный отдел Братства Русской Правды», «Российская фашистская организация» и др.⁴² Из этих координационных центров осуществлялось руководство контрабандной торговлей (в том числе опиумом), засылка диверсионных отрядов в приграничные районы СССР.

Кроме того, русские эмигранты переходили на службу к дунцзюнам. Советниками у Чжан Цзолиня и Чжан Цзучана были начальник Академии Генштаба в России генерал-лейтенант Андогский и бывший полковник колчаковской армии А. Кудлаенко. В 1923 г. до 75 офицеров перешли на службу к У Пэйфу и после обучения в военной академии в Циндао заняли командные должности в его армии. В армиях милитаристов существовали и целые отдельные отряды, сформированные из русских эмигрантов. Так, около 3 тыс. человек под командованием братьев Меньшиковых подчинялись Чжан Цзолиню⁴³. Осенью 1924 г. в составе войск маршала Чжан Цзучана была сформирована бригада КП. Нечаева, насчитывавшая около 4 тыс. человек и усиленная бронепоездами⁴⁴.

Присутствие на сопредельной территории враждебных вооруженных отрядов создавало серьезную проблему в отношениях Москвы и Пекина. Попытка ее решения была предпринята в советско-китайском соглашении 1924 г. В статье 6 указывалось, что оба государства «взаимно ручаются не допускать в пределах своих территорий... деятельности каких-либо организаций или групп, задачей которых является борьба при посредстве насильственных действий против правительств какой-либо из Договаривающихся сторон»⁴⁵. Данный пункт говорил о признании Пекином незаконности попыток свержения советской власти, но к существенному изменению положения дел это не привело. Советским дипломатам удалось добиться лишь того, что служба эмигрантов в китайской армии не была полностью легализована. Однако милитаристы не были заинтересованы в ликвидации русских отрядов. Они планировали использовать наемников для подавления недовольства местного населения и борьбы с революционными настроениями на подконтрольных территориях. Пекинские власти не предпринимали активных действий, так как лояльность местных генералов для них была значительно важнее обязательств перед СССР. Приток русских в китайскую армию резко снизился только в 1927 г., что было связано с военным поражением северных милитаристских группировок.

Ситуация усугублялась еще и тем, что интерес к белой эмиграции проявляли японские спецслужбы. Из мемуаров последнего императора Китая Пу И следует, что в октябре 1925 г. в Тяньцзине атаман Г.М. Семенов и Чжан Сяосюй сообщили ему о готовности Англии, Америки и Японии использовать людей Семенова в качестве ударных антисоветских отрядов, обещая им как военную, так и финансовую помощь. По утверждению Пу И, они предполагали задействовать военные отряды в Маньчжурии и Внутренней Монголии для того, чтобы создать там антикоммунистическую базу⁴⁶. Параллельно Семенов вел переговоры с Чжан Цзолинем и японским Генштабом о формировании боевых отрядов в Маньчжурии. В результате было создано 10 диверсионных групп по 20 человек для заброски на территорию СССР. Однако одна из них была раскрыта советской разведкой, после чего остальные расформированы⁴⁷.

Высокая активность антикоммунистических групп в Китае ставила перед советскими органами госбезопасности задачу их скорейшей нейтрализации. В противодействии Белому движению разведка оказалась эффективней дипломатии. В конце 1922 г. в полосе отчуждения КВЖД был создан русско-китайский партизанский отряд для борьбы с белогвардейцами. Примерно в то же время аналогичные формирования под командованием Г.И. Мордвинова из бойцов Народно-революционной армии Дальневосточной республики, китайцев и корейцев, действовали в долине р. Уссури⁴⁸. В 1923 г. в Пекине и Харбине были созданы резидентуры, напрямую подчиненные ИНО ОГПУ. Началась последовательная работа по выявлению планов и лиц, угрожавших безопасности СССР. Разведывательный аппарат развивался быстрыми темпами. Если в 1926 г. было 5 «легальных» резидентур и чуть более 10 нелегальных, то в 1929 г. число «легальных» достигло 13 (из них 5 в Маньчжурии)⁴⁹.

В качестве примеров успешных операций ИНО ОГПУ в Китае следует отметить следующие мероприятия. В 1923 г. мукденской резидентуре через своих агентов в японских спецслужбах удалось получить архив белой контрразведки всего Дальнего Востока. В 1924 г. была раскрыта подпольная белогвардейская организация в Харбине и ее отделение во Владивостоке (так называемое «дело Ковалева»). В 1928 г. получены документальные данные о наличии у Токио планов создания в Северо-Восточном Китае «Независимой Маньчжурской республики»⁵⁰. В свою очередь дипломатам удалось достичь успеха в решении таких острых для СССР и Китая вопросов, как принадлежность КВЖД и статус Монгольской Народной Республики (МНР)⁵¹.

В 1920-х гг. ситуация вокруг КВЖД была сложной. Коммуникация, пересекавшая Маньчжурию, являлась не только выгодным экономическим, но и стратегическим проектом. В борьбе за контроль над ней столкнулись интересы ряда политических сил. Япония, США и

Англия были заинтересованы в росте прибыли и стремились не допустить усиления советского влияния на Северо-Востоке Китая. Пекину контроль над КВЖД был необходим для создания прецедента денонсации неравноправного соглашения и для упрочения власти в Маньчжурии. СССР искал возможности возврата экономических позиций на Дальнем Востоке, которыми обладала дореволюционная Россия, а также пути распространения коммунистических идей.

В этой обстановке соглашение 1924 г. было выгодно и для СССР, и для Китая. В соответствии с ним в отношении КВЖД стороны достигли следующего компромисса. СССР сохранил права собственности и совместного управления на магистрали под предлогом неготовности Пекина к одностороннему администрированию. Вместе с тем Москва заявила о признании китайских органов судебной и гражданской власти, прав Китая в сферах военного и полицейского надзора, муниципального управления, земельных вопросов и налогообложения, за исключением той зоны отчуждения, которая была выделена непосредственно под железную дорогу⁵². Таким образом, Пекин получил возможность денонсировать условия договора, которые расценивались им как неравноправные⁵³. Советский Союз, признавая изменение статуса Китая в системе международных отношений, сохранил экономическое присутствие в Маньчжурии, мог препятствовать распространению иностранного капитала в регионе, а также использовать КВЖД в политических целях.

Советско-китайское соглашение 1924 г. также подтвердило признание СССР Внешней Монголии частью Китайской Республики. Однако вывод контингента РККА из Монголии оговаривался условием ликвидации на ее территории белогвардейских отрядов. Острота вопроса была обусловлена еще тем, что Урга и Москва вели переговоры по демаркации границы. После образования 26 ноября 1924 г. Монгольской Народной Республики глава НКВД СССР Г.В. Чичерин выступил с заявлением, что советское правительство рассматривало МНР как часть Китая, но также признало расширенную автономию Монголии в том смысле, что она может проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику⁵⁴.

Таким образом, Москва пыталась создать за счет Монголии буферную зону на значительном участке своей границы, а признание ее автономии было компромиссом по отношению к Китаю. Кремль не мог игнорировать декларируемые им идеи о праве народов на самоопределение, но выделение МНР в самостоятельное государство не отвечало его интересам. Лишившись формального подчинения Пекину, власть в Урге могла перейти под контроль японцев или укрывшихся во Внешней Монголии белогвардейцев. В этом случае из буфера она бы превратилась в источник угрозы для СССР. Кроме того, Кремль рассчитывал за счет уступок в монгольском вопросе укрепить свои позиции в Северном Китае и в дальнейшем воспользоваться ими для подъема революционного движения. На практике это приводило к тому, что в официальных заявлениях СССР признавал МНР субъектом Китая, а фактически препятствовал распространению власти Пекина на ее территории⁵⁵.

Советскую инициативу автономии Внешней Монголии поддержала КПК, рассчитывавшая на ее возврат Китаю после завершения революции. В качестве аргументов в поддержку данной позиции Чэнь Дусю – один из основателей КПК – ссылался на разницу экономических укладов Китая и Монголии, примитивность экономики последней⁵⁶. Улан-Батор не признал советско-китайского соглашения 1924 г., но был вынужден сохранять стратегический союз с СССР, который являлся единственным гарантом его независимости⁵⁷. Китай, со своей стороны, несмотря на стремление вернуть контроль над Монголией, не имел политических и военных сил, достаточных для достижения данной цели. Это вынуждало Пекин мириться с курсом СССР в отношении МНР.

Несмотря на достигнутые в 1924 г. договоренности, укрепление контактов Москвы и Пекина не последовало. Причиной этого стало резкое изменение внутривосточной ситуации в Китае. Осенью 1924 г. Чжилийская группировка потерпела поражение в борьбе с Чжан

Цзолинем и Фэн Юйсяном. Новые власти сочли дальнейшее сближение с СССР нецелесообразным, а главные цели – ликвидацию права экстерриториальности, возвращение концессий в Ханькоу и Тяньцзине – достигнутыми⁵⁸. Ориентироваться на завоевание симпатий Пекина в расчете на подъем в Китае революционного движения было бессмысленно.

В этой связи советское правительство обратило свое внимание на юг Китая, где набирал силу Гоминьдан. По мнению Сунь Ятсена, объединение страны было необходимо для воплощения в жизнь трех принципов, положенных в основу программы партии: национализма, демократизма, народного благоденствия⁵⁹. Однако лидеру ГМД остро требовалась внешняя поддержка. В условиях дунцзюната основным средством борьбы за власть становились не столько политические, сколько военные методы. Первая попытка Сунь Ятсена расширить подконтрольную территорию закончилась неудачно. В период военной кампании в провинции Цзянси против войск маршала У Пэйфу в 1922 г. Чэнь Цзюньмин – военный министр в нанкинском правительстве, – опираясь на поддержку Лондона и Парижа, осуществил в Кантоне переворот. Окончательно вернуть Кантон под свой контроль Сунь Ятсену удалось лишь в начале 1923 г.⁶⁰ Впоследствии лидер ГМД говорил представителю Коминтерна в Китае С.А. Далину: «Мой лучший друг Чэнь Цзюньмин оказался изменником, он подкуплен У Пэйфу, подкуплен англичанами из Гонконга!»⁶¹

В отличие от северных группировок, вследствие своего курса на освобождение Китая от полукOLONиальной зависимости и власти милитаристов, он не мог рассчитывать на помощь Запада. В письме в Москву от 26 января 1923 г. полпред СССР в Китае А.А. Иоффе связывал неудачи Гоминьдана с тем, что Сунь Ятсен «всегда базировался исключительно на юг и поэтому слишком зависел от империалистических держав»⁶². В случае возобновления операций ГМД против Чэнь Цзюньмина нельзя было полностью исключить опасность иностранной военной интервенции. Переговоры Сунь Ятсена с США и Японией об экономической помощи также закончились провалом⁶³. По воспоминаниям Чан Кайши, «одни западные державы не скрывали враждебного отношения к революционному правительству, а другие относились к нашему делу с полным безразличием, и, разумеется, никто даже не помышлял о том, чтобы протянуть нам руку помощи»⁶⁴. В этой ситуации наиболее приемлемой кандидатурой на роль союзника явилась Москва.

Такой шаг, как оказание военной и иной помощи Китаю, когда СССР еще не преодолел разрушительные последствия революции и Гражданской войны, должен был иметь под собой веские основания. Поддерживая Гоминьдан, Москва делала ставку на укрепление своих политических позиций в стране и на продвижение через ГМД и КПК коммунистических идей. В связи с этим ожидалось ослабление влияния на Дальнем Востоке Англии и США. В 1922 г. А.А. Иоффе писал И.В. Сталину и Л.М. Карахану о роли Китая в мировой политике: «Место для нас здесь чрезвычайно благоприятное. Борьба с мировым капитализмом имеет огромный резон и громадные шансы на успех... Китай, бесспорно, узел международных конфликтов и наиболее уязвимое место международного империализма... Так как помимо всего прочего европейский империализм страдает экономически и не исключена ведь возможность, что он бросит китайские колонии для своего спасения...»⁶⁵

Кроме того, кантонское правительство не было вовлечено в дипломатические маневры Пекина, и Москва могла рассчитывать на его поддержку. В интервью японскому информагентству «Кантон ньюс сервис» на вопрос корреспондента о готовности руководства ГМД признать СССР Сунь Ятсен отвечал: «...дружеские отношения между моим правительством и Россией продолжают. Они никогда не были прерваны, поэтому и не встает вопрос о восстановлении их специальным, формальным признанием, ибо мое правительство наделе признало Россию без всяких условий»⁶⁶.

Помощь со стороны СССР имела большое значение для Сунь Ятсена, столкнувшегося с отсутствием иных союзников и нехваткой сил для достижения намеченных политических целей. Опыт боевых действий РККА периода Гражданской войны в России и партийного строительства РКП(б) мог быть полезен для Гоминьдана, так как они уже на практике подтвердили свою эффективность. Успешное начало взаимодействия с СССР позволило Сунь Ятсену в короткий срок укрепить позиции на юге Китая⁶⁷.

В начале 1924 г. при активной поддержке Коминтерна и РКП(б) был сформирован единый фронт КПК и Гоминьдана – организационная форма межпартийного блока, позволявшая членам КПК вступать в индивидуальном порядке в ГМД при сохранении компартией своей самостоятельности. Начало процессу было положено еще в июле 1922 г., когда II съезд КПК принял закрытую резолюцию о «едином демократическом фронте». В августе того же года ЦИК КПК поддержал идею членства коммунистов в Гоминьдане. В 1924 г. аналогичное решение было принято I съездом ГМД. Официально основной задачей единого фронта являлось развитие революционного движения в Китае, посредством сотрудничества ГМД и КПК под лозунгами национально-освободительной борьбы. Это был важный шаг к расширению социальной базы революции⁶⁸.

Дальнейшее объединение страны планировалось ГМД путем военного похода из гуандунской базы на север. Смерть Сунь Ятсена 12 марта 1925 г. не повлекла отказа от этой цели, однако привела к изменению расстановки сил в партии. В июле 1925 г. администрация генералиссимуса Сунь Ятсена была преобразована в Национальное правительство, а партийная армия в Национально-революционную армию (НРА). Номинально главой Гоминьдана стал Ван Цзинвэй, являвшийся одновременно председателем правительства, Военного совета и Центрального военного совета партии. Однако особая роль вооруженных сил в подготовке и осуществлении Северного похода⁶⁹ способствовала тому, что с 1926 г. основные рычаги управления в ГМД перешли к командующему 1 – й НРА, а в последующем главкому НРА Чан Кайши (Цзян Чжунчжэну). На II съезде партии (1926) он также был избран членом ЦИК ГМД, а уже в июле того же года председателем Постоянного комитета ЦИК ГМД⁷⁰. В дальнейшем, независимо от занимаемых постов, контроль над армией позволил Чан Кайши удержать власть и стать фактическим лидером Гоминьдана.

Официально начало Северного похода было объявлено Национальным правительством 1 июля 1926 г.⁷¹ Ход боевых действий складывался в пользу ГМД. Милитаристы имели численное превосходство, но действовали разрозненно и часто конфликтовали между собой. В октябре 1924 г. поддержку ГМД оказал ранее входивший в Чжилийскую группировку маршал Фэн Юйсян. 23 октября его войска, переименованные в Национальную армию⁷², заняли Пекин⁷³. Фэн Юйсян стал наиболее эффективным союзником ГМД. Части его 1-й Национальной армии действовали в тылу Чжилийской группировки. В течение 1926 г. силы НРА овладели провинциями Хунань, Хубэй, Цзянси и Фуцзянь⁷⁴.

Военные успехи способствовали увеличению численности НРА. Вместе с тем росли разногласия в командовании и партийном руководстве. После смерти Сунь Ятсена обострилась борьба между левым и правым течениями в ГМД, возникшими после создания единого фронта. Принципиальное значение приобрел вопрос о взаимодействии КПК и ГМД. По воспоминаниям Чэнь Дусю, одним из условий, поставленных Сунь Ятсеном коммунистам, было их подчинение партийной дисциплине⁷⁵. Однако КПК такое положение не удовлетворяло.

Это стало толчком к поляризации мнений внутри ГМД. Левая группа ориентировалась на развитие рабочего и крестьянского движения, расширение контактов с СССР и союза с китайскими коммунистами. Консолидация правого крыла Гоминьдана происходила вокруг фигуры Чан Кайши. Политическую систему Советов, с характерными для нее диктатурой и террором,

он считал не совместимой с тремя народными принципами Сунь Ятсена. Еще в 1923 г. в своем докладе по итогам поездки в СССР Чан Кайши подчеркивал: «Судя по тому, что я видел, РКП(б) доверять нельзя... У РКП(б) в отношении Китая есть только одна цель – превратить Компартию Китая в свой послушный инструмент»⁷⁶. Политика правых приобрела отчетливую направленность на ограничение деятельности коммунистов в Гоминьдане.

Признаки конфликта между КПК, поддержавшей ее левой фракцией Гоминьдана и правыми проявились при обсуждении вопроса о резиденции Национального правительства⁷⁷. Поставленная перед выбором между Уханем и Наньчаном, конференция ЦИК ГМД приняла решение в пользу левых. Столицей был признан Ухань, главой правительства стал Ван Пдин-вэй. 10 марта 1927 г. III пленум ЦИК ГМД лишил остававшегося в Нанчане Чан Кайши постов в исполкоме партии, сохранив за ним лишь должность главкома НРА⁷⁸.

Тем не менее эти разногласия не повлияли на успешное продолжение Северного похода. 22 марта 1927 г. войска НРА овладели Шанхаем, а на следующий день заняли Нанкин. Международные позиции Гоминьдана также окрепли. Несмотря на общее недовольство националистической политикой ГМД, западной коалиции не сложилось. Опора на милитаристские группировки как инструмент давления на Чан Кайши оказалась неэффективна⁷⁹. Лондон был готов вести диалог с той из политических сил, которая обеспечила бы его экономическую стабильность. В декабре 1926 г. министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен выступил с заявлением, в котором признавал возросшую силу и легитимность китайского национализма. Для США была характерна противоречивость взглядов на Китай. Вашингтон пользовался всем комплексом особых прав, которые принадлежали европейским державам, но в общественном мнении США были сильны миссионерские настроения. Стало очевидным ослабление Пекина и возросшее влияние ГМД на политические процессы в Китае.

Чан Кайши использовал сложившуюся ситуацию для нового витка борьбы за власть. 12 апреля 1927 г. по его приказу в Шанхае и других городах прошли антикоммунистические акции. 18 апреля Чан Кайши создал в Нанкине собственное правительство, взяв под контроль провинции Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Аньхуэй. В итоге уханьская база левых, власть которых распространялась на провинции Хунань, Хубэй, Цзянси, оказалась блокирована силами Гоминьдана и войсками милитаристов⁸⁰. Кроме того, усилились противоречия между левой фракцией ГМД и коммунистами⁸¹. 15 июня 1927 г. ЦИК Гоминьдана в Ухане принял решение о разрыве с КПК.

В условиях сильного влияния политико-идеологических факторов на межгосударственные контакты кризис единого фронта закономерно привел к ухудшению советско-китайских отношений. Чан Кайши изначально негативно воспринимал попытки Москвы вести через КПК агитационную работу и воздействовать на политику правительства ГМД. По мере роста личного авторитета задача выхода из-под опеки Кремля стала приоритетной для Чан Кайши. Антикоммунистические взгляды главкома НРА находили поддержку и среди милитаристов. Так, в начале марта 1927 г. в интервью корреспонденту японской газеты «Осака Майничи» Чжан Цзолинью высказался о готовности «сотрудничать с кантонцами, если только они освободятся от коммунистов – членов Гоминьдана»⁸². Но, несмотря на свое недовольство политикой Москвы, Чан Кайши и его сторонники понимали значение советской помощи для хода военной кампании. До середины 1927 г. это являлось сдерживающим фактором и замедляло окончательный распад единого фронта. В начале мая 1927 г., при всей очевидности конфликта с коммунистами и при наличии разногласий внутри партии, Северный поход все же был возобновлен.

Дальнейшее продвижение войск НРА на север затрагивало японские интересы в Маньчжурии. Поддерживая режим Чжан Цзолиня, Токио рассчитывал на укрепление своих позиций в регионе. Северо-восток Китая привлекал Страну восходящего солнца как плацдарм для расширения зоны влияния на Дальнем Востоке. В апреле 1927 г. Япония взяла курс на втор-

жение в Китай. Одним из первых шагов нового кабинета Танака – лидера партии Сэйюкай – стала отправка в конце мая 1927 г. войск в провинцию Шаньдун для противодействия установлению власти ГМД. Японские контингенты были расположены в г. Цзинань и порту Циндао. Это заставило НРА остановить наступление. Однако под давлением антияпонских выступлений, вспыхнувших в Китае, Токио был вынужден вывести свои войска из Шаньдуна⁸³.

В то же время правящие круги Японии приступили к планированию широкомасштабных территориальных захватов на континенте. В связи с этим представляет интерес «Политическая программа в отношении Китая», датированная серединой 1927 г., более известная как «меморандум Танака»⁸⁴. На протяжении длительного времени в отечественной историографии считалось, что этот программный документ был выработан в ходе «Восточной конференции», проходившей в июне 1927 г., и 25 июля 1927 г. был представлен премьер-министром Танака императору Хирохито. В том же году копии меморандума были захвачены советской резидентурой в Харбине и Сеуле, а позже его текст (полученный китайской прессой по своим каналам) опубликовал журнал «Чайна критик»⁸⁵.

Некоторые современные исследователи (в России – К.Е. Черевко, в КНР – Ю Синьчун и др.) склоняются к версии о фальсификации данного документа в Москве⁸⁶. Они обращают внимание на стилистику текста, не свойственную другим докладным запискам премьера Танака императору; на подозрительную легкость, с которой секретный документ стал достоянием общественности; на его содержательное сходство с программой, разработанной японским ультраправым «Амурским обществом» («Кокурюкай»), а также на то, что стенограммы конференции 1927 г. не подтверждают обсуждение вопросов о курсе Японии на мировое господство⁸⁷.

Однако независимо от происхождения меморандума сам факт его публикации в периодической печати имел серьезное политическое значение. В документе содержалась концепция военной экспансии Японии на евразийском континенте: «Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию... все остальные азиатские страны и страны Южного моря будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится нарушить наши права...»⁸⁸ Относительно военного конфликта с СССР в тексте указывалось: «Продвижение нашей страны в ближайшем будущем в район Северной Маньчжурии приведет к неминуемому конфликту с Красной Россией»⁸⁹. При этом в качестве объекта нападения значились не только территории вдоль границ Приамурья и Приморья, но и «необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Монголии»⁹⁰.

Следовательно, Москва получила веские основания для наращивания своего оборонного потенциала на Дальнем Востоке. В этой связи руководство ГМД получило повод поднять вопрос о международной поддержке борьбы против оккупации японскими войсками части китайской территории. Содержавшиеся в документе отсылки о подготовке Японии к конфликту с США осложнили и без того напряженные отношения Вашингтона и Токио. В Англии и Франции, имевших колонии в Юго-Восточной Азии, также усилилось недовольство политической Японией. Таким образом, «меморандум Танака» эксплуатировался различными державами в качестве средства для обоснования укрепления собственных позиций на Дальнем Востоке и вовлечения государств-соперников в вооруженное противостояние с Японией.

Чан Кайши осознавал угрозу, исходящую от Японии. Ряд военных и политических неудач 1927 г.: поражение в районе Суйчжоу, усилившее позиции гуансийских генералов Ли Цунжэня и Бай Чунси; разрыв с КПК; усиление внутривластной борьбы – привели к отставке Чан Кайши и его последующей поездке в Японию. Тогда в ходе встречи с премьером Танака он обсудил перспективы двусторонних отношений. Их позиции совпали только в вопросе борьбы с КПК. Чан Кайши не был готов согласиться на расширение японского влияния в Маньчжурии

и Внутренней Монголии даже в обмен на покровительство Токио. Впоследствии в своем дневнике он отмечал, что Япония использует в своих целях отсутствие единства в Китае и поддерживает военные группировки в ущерб его национальным интересам⁹¹.

В ноябре 1927 г. Чан Кайши по приглашению Ван Цзинвэя вернулся в Китай, так как в ГМД вновь сложилась кризисная ситуация. Созданное в апреле 1927 г. нанкинское правительство распалось. Началась подготовка к IV пленуму ЦИК ГМД, целью которого являлось объединение партии и воссоздание правительства. В этих условиях Чан Кайши стал компромиссной фигурой для представителей как левого, так и правого крыла партии⁹².

В начале 1928 г., после реорганизации правительства, Чан Кайши вновь возглавил НРА и продолжил Северный поход. Его поддержали армия Фэн Юйсяна и войска губернатора провинции Шаньси Янь Сишаня⁹³. Когда силы НРА приблизились к г. Цзинань, японский парламент, как и в 1927 г., принял решение об отправке войск в Китай. 2–4 мая 1928 г. произошел так называемый «цзинаньский инцидент»: спровоцированное японцами столкновение с армией ГМД, сопровождавшееся гибелью мирных граждан. По требованию Токио НРА оставила Цзинань и зону железной дороги Тяньцзинь—Пукоу⁹⁴. Тем не менее Японии не удалось остановить продвижение ГМД на север. Уже в июне 1928 г. войска Янь Сишаня заняли Пекин (переименованный в Бэйпин) и Тяньцзинь. Гибель Чжан Цзолина в результате взрыва поезда в июне 1928 г. облегчила Гоминьдану формальное объединение страны. В декабре 1928 г. Чжан Сюэлян, возглавивший Маньчжурию, официально признал нанкинское правительство⁹⁵.

На завершающем этапе Северного похода Чан Кайши столкнулся с проблемой выработки новой идеологии. После разрыва с КПК прежние лозунги стали неприемлемы для ГМД, а группировкам, еще недавно боровшимся за власть, требовался объединяющий фактор, консолидировавший их силы против общего врага. В итоге Чан Кайши вновь обратился к антикоммунистической риторике и идеям борьбы за национальную независимость. На тех же основаниях строился и внешнеполитический курс ГМД, основным движущим мотивом которого было стремление защитить партийные интересы.

В декабре 1927 г. руководство ГМД заявило о причастности советских военных советников, дипломатов и представителей Коминтерна к организации «Кантонской коммуны»⁹⁶ и ряда антиправительственных восстаний. Нанкин фактически обвинил Москву во вмешательстве во внутренние дела Китая. Работники консульства СССР в Гуанчжоу были арестованы, и те из них, кто не имел дипломатического иммунитета, расстреляны. Советские представительства были закрыты на всей территории страны, за исключением Синьцзяна, Маньчжурии и Внешней Монголии⁹⁷.

В конце 1920-х гг. резко обострилась проблема КВЖД. СССР имел официальное соглашение с Пекином по экономическим вопросам, связанным с ее эксплуатацией. Но коммуникация имела и политическое значение. Относившиеся к ней советские административные институты широко использовались ИККИ в пропагандистских целях. Оценивая роль КВЖД для деятельности Коминтерна в Китае, генерал К. И. Сербинович, один из сторонников атамана Г.М. Семенова, в марте

1928 г. сообщал английскому консульству: «Эта железнодорожная линия служит как бы промежуточной базой и охватывает тыл всех вооруженных сил Верховного Правителя Китая, борющегося с Югом. В данный момент центром политической работы III Интернационала является Харбин, так как Южное правительство Китая изгнало всех официальных представителей СССР...»⁹⁸ По мнению Сербиновича, гражданская война в Китае была необходима Коминтерну, так как она могла вызвать революционный подъем в стране вследствие роста налогов, колебаний местной валюты и других негативных экономических явлений⁹⁹. Это явля-

лось веским основанием для Чан Кайши, чтобы оценивать КВЖД как источник угрозы гоминьдановскому режиму.

Среди других причин конфликта на КВЖД следует выделить стремление Чан Кайши отвлечь население от внутренних проблем, создав образ внешнего врага; улучшить свое материальное положение, в расчете на крупные займы иностранных держав, заинтересованных в развитии конфронтации с СССР; препятствовать сближению Чжан Сюэляна с северными милитаристами. Чжан Сюэлян, напротив, надеялся, что контроль над КВЖД укрепит его позиции в Маньчжурии и сделает менее зависимым от Нанкина¹⁰⁰.

Экономически конфликт на КВЖД не был выгоден китайской стороне. В газете «Тихоокеанская звезда» от 5 января 1929 г. отмечалось, что в 1927 г. по сравнению с 1926 г. только СССР и Англия увеличили объемы торговли с Китаем. Для Советского Союза рост товарооборота составил 12 949 261 таэль¹⁰¹. Сделки с США, Японией, Францией, Голландией и Германией, напротив, сократились ввиду затруднений с доставкой грузов по р. Янцзы, безопасность судоходства на которой не обеспечивалась местными властями¹⁰².

Конфликты между милитаристскими группировками, не прекращавшиеся с 1913 г., разрушили экономику страны. Журналист А. Хью в газете «Норс Чайна стар» от 31 января 1928 г. отмечал: «В течение октября – декабря 1927 г. 1970 предприятий вынуждены были прекратить свои дела в Пекине... Налоговые ставки увеличены до чрезвычайных размеров. Скоро будет введен так называемый налог на предметы роскоши, в которые включены спички и керосин... Крестьяне мобилизуются на фронт... несмотря на это, их хозяйство облагается налогом в 8—10 раз больше того, который они платили год-два тому назад»¹⁰³.

Обострение отношений с СССР способствовало углублению кризиса в Северном Китае. Информационное агентство «Азиатик» утверждало, что в августе 1929 г. «семь крупных китайских банков в Пекине и Тяньцзине прекратили платежи»¹⁰⁴. Чжан Сюэлян впоследствии сообщал в Нанкин, что к концу октября 1929 г. лишь военные расходы составили 40 млн долл.¹⁰⁵ Таким образом, лишь веские политические мотивы могли заставить Чжан Сюэляна и Чан Кайши пожертвовать таким важным источником финансовых поступлений, как работа КВЖД.

В начале июля 1929 г. на совещании генералитета, проходившем в Пекине под председательством Чан Кайши, было принято решение об установлении полного контроля над магистралью¹⁰⁶. 10 июля 1929 г. по приказу центрального правительства мукденские войска захватили телеграф КВЖД, отстранили советских специалистов от работы. Более 200 граждан СССР были арестованы. Армия Чжан Сюэляна концентрировалась на советско-китайской границе¹⁰⁷. 13 июля 1929 г. Кремль заявил протест по поводу действий Мукдена¹⁰⁸. Отказ Нанкина от переговоров, последовавший 17 июля, стал поводом для разрыва дипломатических отношений между Советским Союзом и Китаем¹⁰⁹.

22 августа 1929 г. на всей территории Северо-Восточного Китая было введено военное положение. На границе с СССР участились провокации¹¹⁰, а на стратегических направлениях была сосредоточена 300-тысячная группировка мукденских войск¹¹¹. В этой ситуации Москва прибегла к силовым методам. Локальные операции упреждающего характера были успешно проведены Особой Дальневосточной армией (ОДВА) в Приамурье в районе Лахасусу, Фугдина; в Забайкалье – у ст. Маньчжурия, Чжалайнор, Хайлар, Цицикар; в Приморье – под Мишаньфу (район озера Ханка)¹¹².

Поражения вынудили китайскую сторону перейти к дипломатическому урегулированию конфликта. В качестве гарантий Москва потребовала возврата к исполнению договора 1924 г., восстановления в правах управляющего дорогой и его помощника, освобождения всех советских граждан, арестованных в связи с конфликтом. 26 ноября 1929 г. мукденские власти согла-

сились принять предварительные обязательства, что позволило приступить к переговорам¹¹³. Их сложность заключалась в несогласованности позиций Чжан Сюэляна и Чан Кайши. Последний надеялся на затягивание конфликта путем вовлечения в него иностранных держав, заинтересованных в расширении своих концессий в Маньчжурии. С этой целью Нанкин предпринял попытку уже в ходе переговоров поднять вопрос об «агрессии СССР» в Лиге Наций¹¹⁴.

Выступление китайской делегации нашло отклик в мировых средствах массовой информации. 1 декабря 1929 г. газета «Тихоокеанская звезда» опубликовала подборку соответствующих сообщений ведущих европейских и азиатских информагентств. Дипломатический обозреватель «Дейли телеграф» (Лондон) в статье, касавшейся обращения нанкинского правительства к державам, подписавшим пакт Келлога, и совету Лиги Наций, указывал, что «это обращение имеет целью добиться интервенции держав против „советского вторжения в Маньчжурию“... члены Лиги Наций, по всей вероятности, не будут приветствовать просьбу Нанкина о вмешательстве». «Журналь де Деба» (Париж) счел обращение бесцельным, «ибо Лига не может давать приказы Советскому Союзу, не являющемуся ее членом». «Форверст» (Берлин) одобрил намерение Китая. «Хоци» (Токио) отмечал, что «конфликт из-за КВЖД доказал, что Лига Наций и пакт Келлога – ничемные, пустые „украшения“»¹¹⁵. Советская пресса связывала действия нанкинских дипломатов, включая обращения к иностранным коллегам, с их желанием «сохранить остатки своего авторитета, которому нанесен сокрушительный удар...»¹¹⁶.

После провала выступления китайской делегации в Лиге Наций США через свои посольства в Англии, Франции, Италии и Японии попытались добиться осуждения действий Москвы этими странами¹¹⁷. 3 декабря 1929 г. наркому иностранных дел М.М. Литвинову были вручены декларации французского, американского и британского правительств. В них внимание СССР и Китая обращалось на 2-ю статью пакта Бриана – Келлога, согласно которой урегулирование любых споров должно осуществляться исключительно мирными средствами¹¹⁸.

В ответном заявлении НКВД СССР подчеркнул: «Действия Красной армии были вызваны соображениями абсолютной необходимой самозащиты и ни в коей мере не являются нарушением каких бы то ни было обязательств, вытекающих из Парижского договора...»¹¹⁹ Чжан Сюэлян также не желал эскалации конфликта. Это способствовало скорейшему завершению переговоров. 3 и 22 декабря 1929 г. в Никольск-Ус-сурийске и Хабаровске харбинский дипломатический комиссар Цай Юньшен от имени мукденских властей и нанкинского правительства подписал протокол о восстановлении статус-кво на КВЖД, возобновлении исполнения сторонами Мукденского и Пекинского соглашений 1924 г.¹²⁰

Таким образом, советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. можно считать следствием столкновения политических интересов Москвы и Нанкина на Дальнем Востоке. Советский Союз боролся за сохранение экономических позиций в регионе, сферу влияния в Маньчжурии и за плацдарм для распространения в Китае коммунистических идей. Для ГМД это была прежде всего попытка вытеснить СССР из Северо-Восточных провинций, поставить под свой контроль экономически и стратегически важную линию коммуникаций. Поскольку ситуация на КВЖД вышла за рамки локального пограничного инцидента и получила широкую международную огласку (хотя ни одна из западных держав не пошла на открытое вмешательство), восстановление статус-кво на советско-китайской границе стало не только военно-политической, но и дипломатической победой Москвы. Тем не менее общего положения дел это изменить не могло. Прекращение сотрудничества СССР и ГМД, разрыв дипотношений с Китаем ослабили позиции Москвы на Дальнем Востоке.

В то же время Чан Кайши удалось добиться успехов в борьбе за отмену неравноправных договоров. В условиях вялотекущей гражданской войны и обострения отношений с СССР Нанкину пришлось пойти на ослабление антииностранных выступлений, усилив внимание к

дипломатическим методам. При этом достаточно отчетливо проявились две традиционные доктрины, на которых строилась гоминьдановская дипломатия: «сдерживай варваров руками самих варваров» и «разделяй и подчиняй»¹²¹.

Разрыв с КПК и конфликт с Москвой создали благоприятную обстановку для активизации диалога ГМД со странами Западной Европы и США. Тактика ГМД сводилась к следующему. Во-первых, Нанкин играл на конфронтации «советизма» и «империализма», рассчитывая, что антикоммунистическая политика обеспечит лояльность западных держав, заинтересованных в ослаблении позиций СССР на Дальнем Востоке. Чан Кайши надеялся добиться если не поддержки Европы и США, то, по крайней мере, того, чтобы удержать их от помощи северным милитаристам. Во-вторых, используя внимание иностранных держав к китайскому рынку и их конкуренцию за сферы влияния, Нанкин стремился к пересмотру или отказу от неравноправных договоров¹²².

В 1927–1930 гг. Нанкин далеко продвинулся в вопросах о тарифной автономии и ликвидации права экстерриториальности. 25 июля 1928 г. был подписан договор с США о таможенных тарифах. До конца 1929 г. аналогичные соглашения были заключены еще с 12 государствами, в том числе с Францией, Германией, Норвегией, Англией¹²³. В то же время Нанкин поставил под свой контроль морские и соляные таможни, а также почтовые учреждения¹²⁴. К сентябрю 1931 г. правительству Чан Кайши удалось сократить число стран, пользующихся правом экстерриториальности, с 16 до 4. Сохранили свои привилегии Франция, Англия, Япония и США. Китайская сторона достигла соглашения с Великобританией и Бельгией о возвращении концессий в Тяньцзине, Сяньмыне, Чжэцзяне, Пдюцзяне и Ханькоу. В 1930 г. из 33 иностранных концессий в Китае осталось только 13¹²⁵.

Таким образом, Гоминьдану в короткий срок удалось не только добиться международного признания, но и значительно продвинуться по пути к выходу из полукOLONиальной зависимости. Однако переговоры с Москвой завершились безрезультатно. В русле курса на ликвидацию неравноправных договоров Чан Кайши настаивал на передаче китайской стороне полного контроля над КВЖД. Кремль отверг эту инициативу. Политические разногласия также не были урегулированы. В итоге процесс восстановления дипломатических связей между Москвой и Нанкином затянулся до 1932 г.

В 1923–1929 гг. в развитии контактов Москвы и Гоминьдана следует выделить два этапа: 1923 – первая половина 1927 г. и середина 1927–1929 г.

На первом этапе сближение позиций СССР и ГМД проходило на фоне конкуренции Советского Союза и европейских держав, Японии, США за сферы влияния в Китае. Отсутствие там централизованной власти, постоянная борьба региональных правительств требовали от советской дипломатии дифференцированного подхода. Ей необходимо было учитывать как собственные цели в регионе, так и возможность их реализации в диалоге с представителями конфликтующих политических сил Китая. Обстановка позволяла действовать сразу в двух направлениях: оказывать поддержку единому фронту в составе ГМД и КПК в расчете на достижение идейно обусловленных целей и в то же время развивать дипломатические отношения с официально признанным правительством в Пекине, исходя из государственных интересов СССР в Маньчжурии и Монголии.

Влияние, оказываемое Западом на Пекин, препятствовало распространению Москвой коммунистических идей и подъему революционного движения на севере Китая. Поскольку приоритетной во внешней политике РКП(б)/ВКП(б) в 1920-х гг. являлась теория мировой революции, посредством подъема в зависимых государствах национально-освободительного движения, это способствовало активизации диалога между Москвой и кантонским правительством Сунь Ятсена.

Программа Гоминьдана отражала подъем в обществе патриотических настроений, выраженных в националистической идее. Сближение понятий национализм и патриотизм было обусловлено острой необходимостью преодоления разрушительных последствий затянувшегося периода отсутствия в Китае центральной власти, постоянной вражды милитаристских группировок, сильного иностранного влияния в стране. Кремль стремился использовать ориентированность Гоминьдана на борьбу за объединение и суверенитет Китая, а также его готовность к сотрудничеству с КПК и СССР для укрепления собственных позиций и распространения коммунистических идей.

К 1927 г. произошла консолидация правого крыла ГМД вокруг фигуры Чан Кайши. Последующий распад единого фронта был обусловлен попыткой Москвы радикализации и «коммунизации» национально-революционного движения в Китае без учета мнения и стратегии Гоминьдана. Это вызвало ответное стремление последнего защитить партийные интересы, отстаивать право на независимость своего курса и выйти из-под политической опеки Кремля. Ввиду особой значимости для обеих сторон идеологического фактора военно-политическое сотрудничество СССР и Гоминьдана вряд ли могло быть продолжено. Антикоммунистический курс Нанкина способствовал нормализации его отношений с европейскими державами и США, международному признанию и пересмотру неравноправных договоров. Для СССР прекращение диалога с Нанкином ослабляло его позиции на Дальнем Востоке.

В 1929 г. столкновение интересов СССР и ГМД, обоюдно стремившихся к укреплению своего влияния в зоне КВЖД, привело к кризису советско-китайских отношений и разрыву дипломатических контактов. Это создало благоприятную обстановку для перехода Токио к активным действиям в отношении Китая. В дальнейшем именно перед лицом новой опасности – военной угрозы со стороны Японии – правящие круги СССР и Китайской Республики пришли к переоценке значимости двусторонних контактов.

1.2. Формирование советской политики по отношению к Гоминьдану в 1923–1932 гг

В 1920-х гг. внешняя политика СССР выстраивалась на основе баланса между текущими государственными интересами и стратегическими целями развития мирового революционного движения. Уже в начале 1920-х гг. ВКП(б) была осознана необходимость отказа от курса на одностороннюю отмену договоров, заключенных Российской империей, и на призыв восточных народов к денонсации соглашений, ущемлявших их суверенные права¹²⁶. На смену этому пришли общепринятые нормы внешней политики и международного права, в том числе признание легитимности подписанных ранее межгосударственных договоров. Советская Россия стала выступать как правопреемница Российской империи и начала борьбу за возвращение былого статуса в мировом сообществе.

Эти изменения быстро нашли отражение в отношениях с Китаем. В «Объяснительной записке к проекту русско-китайского договора» (1923) отмечалось, что «Правительство РСФСР (сокр. авт. – И. В.), являясь после Октябрьской революции полным правопреемником... международных правоотношений Временного Правительства и тем самым и Императорского Правительства, наследует в этой области все права...»¹²⁷. Таким образом, Москва стремилась гарантировать соблюдение своих прав на Дальнем Востоке.

В то же время идеологическая платформа ВКП(б) была ориентирована на отстаивание классовых интересов. В области внешней политики это выражалось в превалировании идеи солидарности трудящихся и развития мирового революционного движения над геополитическими мотивами. Отказаться от идеи мировой революции Кремль не мог, так как это противоречило тем политическим установкам, которые привели большевиков к власти. Учитывая сложность подъема социалистической революции в Европе, внимание ВКП(б) и ИККИ было обращено на Восток.

Специфика развития революционного движения в странах Востока была обозначена В.И. Лениным. Он полагал, что социалистическая революция в колониальных и полуколониальных странах была невозможна «без свержения господства иностранного империализма». Учитывая, что доля пролетариата в населении этих стран невелика, первоочередная задача коммунистических партий, в том числе в Китае, сводилась не столько к противостоянию с местной буржуазией, сколько к национально-освободительной борьбе. В дальнейшем, посредством пропаганды власти Советов, коммунисты должны были добиться руководящих позиций в антиимпериалистической борьбе и направить ее к установлению диктатуры пролетариата и крестьянства. Таким образом, антиколониальные революции на Востоке рассматривались как часть мировой пролетарской революции¹²⁸.

На II и IV конгрессах Коминтерна (в 1920 и 1922 гг.)¹²⁹ в качестве стратегической цели для зависимых азиатских государств определялось достижение коммунизма «не через капиталистическое развитие, а под руководством классово-сознательного пролетариата передовых стран»¹³⁰. Параллельно закладывались теоретические основы создания, в частности в Китае, «единого антиимпериалистического фронта»¹³¹. В «Тезисах по национальному и колониальному вопросам» от 28 июля 1920 г. подчеркивалось, что «Коммунистический Интернационал должен вступать во временные соглашения, даже союзы с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней, а безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения...»¹³². В дополнениях к основному тексту документа, уточнявших характер предстоящего сотрудничества, речь шла об использовании «буржуазных национально – революционных элементов»¹³³.

В эту концепцию укладывалось сотрудничество еще слабой для автономной борьбы за власть компартии и ГМД. Однако, совместно отстаивая независимость страны, они должны были сохранить свою структурную, управленческую и идеологическую самостоятельность. Эта схема была закреплена в инструкции Коминтерна 1922 г., в которой говорилось об индивидуальном вступлении коммунистов в Гоминьдан при сохранении КПК, которая дает директивы для работы в национальной партии и ведет организационную работу в профсоюзах¹³⁴.

Москве отводилась роль координатора действий революционных сил Китая в рамках единого фронта. В общих тезисах по восточному вопросу от 5 декабря 1922 г. провозглашалось, что «требование тесного союза с Республикой Советов является знаменем единого антиимпериалистического фронта»¹³⁵. Коминтерн брал на себя обязанность содействовать в деле организации периодической печати на местных языках¹³⁶. С этого момента задача сближения КПК и ГМД, как наиболее отвечающая курсу на поддержку мирового коммунистического движения, стала важной составной частью политики РКП(б) и Коминтерна в Китае. Межпартийное сотрудничество, основанное на близости идейных принципов, таким образом, практически уравнивалось с межгосударственным.

Несмотря на сохранение стратегического курса на мировую революцию, РКП(б) столкнулась с необходимостью маневрирования в области тактики. Неудачи революционного движения в Европе (Польша, Германия, Болгария, Албания) стали предостережением от форсирования событий на Востоке. В результате СССР занял в отношении КПК сдержанную позицию¹³⁷. Она нашла отражение в коммюнике А.А. Иоффе и Сунь Ятсена от 27 января 1923 г. В нем отмечалось: «Д-р Сунь Ятсен считает, что в настоящее время коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае... Эта точка зрения целиком разделяется полпредом РСФСР, который считает, что самой насущной и важной задачей Китая является его национальное объединение и приобретение полной национальной независимости. Китай... может рассчитывать на поддержку России»¹³⁸.

В данном документе отчетливо проявилась идея Ленина о национальных революциях на Востоке, необходимости объединения в них всех заинтересованных сил для борьбы с империализмом. На этой основе в течение 1923 г. Кремлем были выработаны представления об основных мерах по реорганизации ГМД (первом шаге к консолидации партии). Среди них были: решение организационных вопросов партийного строительства, корректировка военной политики, поддержка массовых движений, развитие пропаганды, расширение социальной базы революции¹³⁹. Москва допускала применение Гоминьданом блоков и компромиссов с милитаристами, а также использование вооруженных сил в политической борьбе. Вместе с тем предусматривалось усиленное внимание к вопросам централизации армии и организации в ней политработы¹⁴⁰.

Позиция Политбюро ЦК РКП(б) нашла отражение в рекомендациях от 2 августа 1923 г. М.М. Бородину в связи с его назначением на должность политического советника при Сунь Ятсене. Политбюро указало «т. Бородину в своей работе с Сунь Ятсеном руководствоваться интересами национально-освободительного движения в Китае, отнюдь не увлекаясь целями насаждения коммунизма...»¹⁴¹. В резолюции Президиума ИККИ от 28 ноября 1923 г. «О национально-освободительном движении и о партии Гоминьдан» фактически признавался факт переоценки роли КПК в политической жизни Китая. Это решение, как и ряд других, продемонстрировало зависимость ИККИ от решений ВКП(б)¹⁴². Все основные теоретические установки китайской политики, как и конкретные мероприятия по ее реализации, разрабатывались партийным руководством, тогда как Коминтерну отводилась вспомогательная роль.

I съезд ГМД подвел итоги первых шагов Москвы и Кантона на пути межпартийного сотрудничества. На съезде были сформулированы базовые программные установки партии,

выработаны задачи национально-революционного движения, тактика вывода страны из политической и социально-экономической нестабильности. Таким образом, ГМД обрел ориентиры для дальнейшей деятельности и идейного оформления революционного движения в Китае. В то же время в РКП(б) уже отчетливо наметилась тенденция к изменению курса в отношении Гоминьдана.

Усиление в 1923–1924 гг. в руководстве РКП(б) позиций И.В. Сталина и спад революционной активности в Европе отразились как на общей стратегии внешней политики СССР, так и на ее китайском направлении. Принципы интернационализма, сформулированные В.И. Лениным, в сталинской трактовке начали приобретать иное содержание: идея мировой революции постепенно теряла приоритет, отодвигаясь задачами развития СССР – главной опорной базы и основного залога победы всего коммунистического движения. Не отказываясь от поддержки зарубежных компартий, Сталин все же воспринимал подъем революционных настроений в других странах прежде всего как средство усиления позиций Советского Союза на международной арене¹⁴³. Впоследствии, 8 августа 1927 г., в речи о международном положении и обороне СССР на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин заявил: «... интернационалист тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР»¹⁴⁴.

Среди методов осуществления выбранной стратегии Сталин отдавал предпочтение внутривластным переворотам, занятию ключевых постов в государственном аппарате представителями просоветских партий и организаций. В связи с этим изменилась и роль Коминтерна: из органа, руководившего компартиями, и главного рупора советской внешнеполитической пропаганды он превратился в проводника теневой политики Кремля. Одной из основных его задач стало проведение тех мероприятий, которые не укладывались в курс, официально декларированный Москвой.

Применительно к Китаю эти инициативы преследовали коренное изменение классовой и политической природы Гоминьдана в результате захвата власти в партии коммунистами¹⁴⁵. Выступая 18 мая 1925 г. на собрании студентов Коммунистического университета трудящихся Востока, Сталин доказывал, что буржуазия Китая уже раскололась на революционную и соглашательскую, а следовательно, коммунисты уже не могут ставить цель создания единого национального антиимпериалистического фронта и должны перейти к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии. Основной задачей этого блока должно было стать разоблачение половинчатости и непоследовательности национальной буржуазии и борьба с империализмом¹⁴⁶.

Данный подход сочетался с определением Гоминьдана как рабоче-крестьянской партии, что обуславливало постановку перед КПК задачи борьбы за руководящие позиции внутри ГМД¹⁴⁷. В этой части суждения Сталина нашли отражение в установке Коминтерна о том, что демократические преобразования на Востоке могли быть осуществлены исключительно коммунистами, а не представителями национальной буржуазии. Таким образом, конструировалась цель скорейшего установления «гегемонии КПК в рабоче-крестьянском Гоминьдане»¹⁴⁸.

Увеличение в Гуандуне массовых акций под лозунгами борьбы с империализмом, а также внешне демонстрируемая руководством ГМД заинтересованность в развитии контактов с Москвой¹⁴⁹ привлекали внимание Коминтерна. Им развивалась идея объединения Китая не через осуществление военного похода на Север, а посредством повсеместного подъема народных выступлений, по образцу Октябрьской революции 1917 г. в России. ИККИ стремился поддерживать массовые движения: забастовки в Кантоне и Гонконге, «Движение 30 мая 1925 г.»¹⁵⁰. Главный расчет делался на их радикализацию. Данный подход отразился в директивных документах, обращенных к КПК, среди которых: «Воззвание Исполкома Коминтерна, Исполкома Профинтерна и Исполкома Коммунистического Интернационала молодежи к рабочим, кре-

ствиям и всем трудящимся в связи с расстрелами в Циндао и Шанхае» (7 июня 1925 г.), «Письмо Исполкома Коминтерна Центральному Комитету Компартии Китая» (6 июля 1925 г.), «VI расширенный пленум ИККИ. Резолюция по китайскому вопросу» (13 марта 1926 г.)¹⁵¹.

Однако параллельно по линии ЦК и Политбюро, а с 19 марта 1925 г. – специальной Китайской комиссией Политбюро ЦК РКП(б)¹⁵² разрабатывалась и другая тактика. Она заключалась в опоре на милитаристов Центрального и Северного Китая, готовых сотрудничать с ГМД. Особо выделялась группировка маршала Фэн Юйсяна, включавшая три армии. Национальные армии (Гоминьцзюнь)¹⁵³ были достаточно боеспособными, чтобы действовать независимо от войск ГМД. Кремль рассматривал вариант их использования для нейтрализации прояпонски настроенной группировки Чжан Цзолиня. Его усиление было крайне невыгодно СССР, поскольку Сталин стремился избежать конфликта с Токио. В протоколе заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 3 декабря 1925 г. указывалось: «Тов. Караханудать в печать информацию, что Чжан Цзолинь падет, между прочим, потому, что играл на обострение отношений между СССР и Японией, что в Маньчжурии может удержаться лишь такое командование, которое будет руководствоваться политикой сближения СССР и Японии»¹⁵⁴. Идя на контакт с Фэн Юйсяном, как компромиссной фигурой, Москва учитывала слабость позиций как ГМД, так и КПК на севере Китая.

В результате советская политика в отношении Гоминьдана отличалась двойственностью. РКП(б) формально поддерживала сотрудничество с ним по вопросам партийного строительства, организации идеологической работы и периодической печати. Однако в части ориентации на развитие массового движения пропаганда ИККИ противоречила политическим установкам ГМД. Попытки Кремля усилить в Гоминьдане блок коммунистов, выдвинуть членов КПК на руководящие посты в правительстве встречали противодействие со стороны части Национальной партии, считавшей советскую доктрину неприемлемой для Китая. Руководство ГМД формировало свою стратегию, исходя из военного сценария развития революции¹⁵⁵. Чан Кайши, стремившийся к централизации руководства в партии, рассматривал армию в качестве основного гаранта сохранения власти и инструмента объединения страны. Претендуя на роль национального лидера, он также не был заинтересован в укреплении позиций Фэн Юйсяна. В этих вопросах Москва практически не учитывала специфику программы Гоминьдана.

Игнорирование интересов китайской стороны и двойственность курса РКП(б) повлекли ослабление ее влияния на политические процессы в Южном Китае. Фракционная борьба в ГМД и его самостоятельность в принятии решений, напротив, усилились. Это еще более осложнило взаимодействие Москвы и Кантона. Для стабилизации ситуации советская сторона приняла ряд мер:

1. Совмещение постов в Коминтерне с высшими партийными должностями ВКП(б) (в Президиум ИККИ от ВКП(б) входили: Д.З. Мануильский, Г.Е. Зиновьев, И.В. Сталин, Н.П. Бухарин, И.А. Пятницкий).

2. Обсуждение основных принципов политики Коминтерна в Китае, развития взаимодействия КПК и ГМД в ходе VI расширенного пленума ИККИ (17 февраля – 15 марта 1926 г.).

3. Направление в Китай комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) в составе А.С. Бубнова, Н.А. Клубяка, И.И. Лепсе, Л.М. Карахана для изучения ситуации, оценки на месте деятельности советских советников.

Совмещение постов было ориентировано на концентрацию всего спектра решений по вопросам внешней политики в рамках единого аппарата. Это позволяло максимально усилить контроль над действиями Коминтерна, избежать принятия решений, не соответствовавших генеральной линии ЦК ВКП(б). Два последующих шага преследовали двойные цели. С одной стороны, они внешне должны были продемонстрировать лояльность советской политики, готовность искать компромиссы, притупить бдительность ГМД. Важно было снять напряже-

ние, вызванное усилением пропаганды членов КПК и советских специалистов внутри Гоминьдана, а также стремлением военных советников взять под свой контроль командование НРА. С другой – подготовить базу для решающего разворота в характере китайского революционного движения.

В этом контексте внимания заслуживают решения VI расширенного пленума ИККИ. В них отчетливо прозвучали основные принципы восточной политики Коминтерна. В первую очередь «Тезисы по китайскому вопросу» от 2 марта 1926 г. и «Резолюция по китайскому вопросу» от 13 марта 1926 г., принятые VI пленумом ИККИ, подтвердили курс на поддержку Гоминьдана и его сотрудничества с КПК на основе совместной борьбы «против иностранных империалистов и всего военнофеодалного уклада жизни»¹⁵⁶. В обозначенной резолюции Исполком Коминтерна признавал, что, являясь «авангардом в борьбе китайского народа за независимость, кантонское правительство служит образцом будущего революционно-демократического строительства в стране»¹⁵⁷.

Вместе с тем решения VI пленума ИККИ констатировали наличие двух концепций развития революционного движения в Китае: «Одна из них – буржуазная] – это стремление крупной китайской торгово-промышленной буржуазии создать союз с более прогрессивными элементами старого китайского мандарината и распадающихся военно-феодалных клик и объединить Китай при поддержке и под руководством империализма и на основе его экономической – капиталистической – программы... Другая тенденция – это борьба за освобождение и объединение страны на основе мощного революционного движения сотен миллионов рабочих и крестьян во главе с пролетариатом, борьба против всех империалистов, которая идет рука об руку с общим развитием мировой пролетарской революции и опирается на поддержку СССР»¹⁵⁸. По мнению функционеров Коминтерна, это было следствие начавшегося «классового расслоения» Гоминьдана, что и привело к образованию в нем правой и левой фракций¹⁵⁹.

Кроме того, пленум ИККИ был склонен придавать большое значение крестьянскому и рабочему движениям, руководящей роли в них КПК. В ориентации на массы представители Коминтерна видели родство политики коммунистов и левого течения Гоминьдана, за которым декларировалось внутрипартийное лидерство. Действия Национальных армий признавались важным, но не основополагающим фактором в развитии революции. Влияние «буржуазии», как и возможности правых в ГМД, напротив, преуменьшались.

Решения пленума послужили обоснованием размежевания фракций внутри ГМД, ориентации КПК на блоковую политику. Это должно было подготовить компартию к последующему усилению в революционном движении классовых начал. Однако на текущей стадии ИККИ считал несвоевременным отделение коммунистов от национально-освободительного движения. В тезисах по китайскому вопросу содержались следующие рекомендации КПК: «...вопреки всем трениям... во что бы то ни стало поддерживать боевой союз ККП (так в тексте. – И. В.) и ГМД. Коммунисты по-прежнему должны входить в состав ГМД и его руководящих органов... помогать ГМД в его политической и организационной работе, проводя при этом гибкую тактику и не допуская никакого командования»¹⁶⁰. Однако в обязанности КПК вменялась также разъяснительная работа среди населения, раскрывающая «мелкобуржуазный характер программы ГМД... и необходимость существования самостоятельной классовой партии пролетариата»¹⁶¹.

Таким образом, VI пленум ИККИ формально подтвердил продолжение сотрудничества с ГМД на базе борьбы с империализмом. Компартии Китая было рекомендовано придерживаться курса на укрепление единства ГМД. В то же время теневым мотивом политики ИККИ стало усиление в Китае «антибуржуазной» пропаганды. Отчетливо обозначилась идея выдвижения КПК на роль лидера в рабочем и крестьянском движении и руководящие позиции в национальной революции.

Рассмотренные решения ИККИ отчетливо выявили генеральную линию сталинской внешней политики в Китае, направленную на подготовку силами китайских коммунистов внутреннего переворота в ГМД. При этом основная ставка делалась не на подъем массовых выступлений, а на захват аппарата власти в ходе внутрипартийной борьбы, что не требовало большой численности организации¹⁶². Рабочему и крестьянскому движениям отводилась роль вспомогательного инструмента – силовой и материальной опоры режима.

На практике реализация установок Коминтерна обернулась попыткой форсированной коммунизации Гоминьдана, стремлением членов КПК при поддержке советских советников овладеть аппаратом ЦИК ГМД и Национальным правительством. Закономерным следствием данной политики и обострения внутрипартийных разногласий в ГМД стал кризис 20 марта 1926 г.¹⁶³ Выступление Чан Кайши, тесно связанное с противостоянием военного и партийного факторов в руководстве Гоминьдана, имело также непосредственное отношение к действиям Кремля. Оно продемонстрировало, что ГМД оформился в самостоятельную силу, тяготеет к опеке Москвы и навязыванием решений, нехарактерных для его программы. По воспоминаниям Чан Кайши, 8 марта 1926 г. в беседе с Ван Цзин-вэем он отметил: «Мы не должны допустить положения, при котором фактическое руководство национальной революцией окажется в руках русских... Мы ни в коем случае не должны лишать себя свободы принятия решений»¹⁶⁴.

Позиция Чан Кайши была обоснованной. Это подтвердили выводы комиссии Политбюро ЦК ВКП(б)¹⁶⁵ под руководством А.С. Бубнова (Ивановского)¹⁶⁶, на время работы которой в Китае пришлось обозначенные события:

1. Быстрые темпы централизации армейского управления, увлечение коммунистической пропагандой в войсках ГМД, усиленный контроль политкомиссаров и советских советников за действиями офицеров негативно повлияли на развитие советско-китайского сотрудничества. Необходимым шагом для сохранения контактов с Чан Кайши было предоставление руководству НРА большей самостоятельности.

2. Военный и «революционный» потенциал армий Фэи Юйсяна незначителен. Гоминьдан в большей степени подходит на роль лидера национально-освободительного движения.

3. Слабость политического и гражданского секторов в ГМД, его опора на НРА, военная направленность экономической политики ($\frac{4}{5}$ бюджетных ассигнований составляли расходы на армию) говорили в пользу силового сценария объединения страны через осуществление Северного похода.

4. Массовое движение, отчетливо проявившееся в ходе Гонконг-Кантонской забастовки, продолжало играть вспомогательную роль¹⁶⁷.

На этих основаниях строились рекомендации комиссии А.С. Бубнова М.М. Бородину, предполагавшие поддержку Северного похода, свертывание Гонконг-Кантонской забастовки, ослабление в ГМД межфракционной борьбы, сдерживание политической активности КПК, направленной на разложение Гоминьдана изнутри. Кроме того, был ослаблен советнический контроль в НРА, принят ряд кадровых решений. Из Кантона отзывались начальник Южно-китайской группы военных советников Н.В. Куйбышев, его заместитель В.П. Рогачев, заместитель начальника по политической работе И.Я. Разгон¹⁶⁸. В целом выводы комиссии были направлены на сглаживание наиболее острых проблем во взаимоотношениях с ГМД, связанных со стилем работы советских миссий. Это позволило временно улучшить отношения СССР с Чан Кайши.

Тем не менее сохранялось расхождение позиций лидеров ВКП(б) и ГМД по принципиальному вопросу о Северном походе. Если для Чан Кайши это был центральный пункт в плане объединения Китая, то И.В. Сталин считал военную экспедицию недопустимой. Его подход строился на скептической оценке боеспособности НРА, в сравнении с РККА, и стремлении задержать централизацию власти в Китае. Последнее создавало бы на юге страны условия для

роста революционных настроений и пропагандистской работы КПК¹⁶⁹. Осознание возросшей силы Гоминьдана приблизило Кремль к принятию военного пути развития китайской революции через осуществление Северного похода НРА. Тем не менее полноценного развития это направление не получило.

Принятое 3 декабря 1925 г. постановление Политбюро однозначно утверждало: «Предполагаемый поход кантонцев на Север в данный момент считать недопустимым. Предложить кантонцам сосредоточить свои усилия на внутреннем укреплении»¹⁷⁰. Однако в марте 1926 г., исходя из ситуации в Китае, А.С. Бубнов пришел к противоположным выводам. В письме М.М. Бородину от 27 марта 1926 г. он отмечал: «...решать вопрос о Северном походе нет необходимости, ибо вся армия и весь командный состав воспитывается в убеждении, что Северный поход есть вопрос о времени и способе действия»¹⁷¹.

Тем не менее Москва имела собственное мнение о целесообразности проведения Северного похода. Оно определялось следующим. Во-первых, убежденностью в недостаточном влиянии коммунистов в Гоминьдане. Во-вторых, опасением, что выступление НРА на север может спровоцировать военную интервенцию европейских держав в Гуандуне. Последнее могло привести к потере Южнокитайской революционной базы ГМД. В-третьих, нежеланием обострять ситуацию на Дальнем Востоке в связи с новым витком борьбы СССР против политической и экономической изоляции, осложнением взаимодействия с Мукденом по проблеме КВЖД, срывом попытки создания в Пекине коалиционного правительства ГМД и Фэн Юйсяна¹⁷².

В силу этих оснований Политбюро ЦК ВКП(б) и после ознакомления с точкой зрения А.С. Бубнова не изменило своей позиции относительно Северного похода. В постановлении Политбюро от 1 апреля 1926 г. утверждалось, что Кантону до момента подъема рабочего и крестьянского движения нецелесообразно переходить к действиям по расширению подконтрольных территорий. Необходимо использовать «передышку» для укрепления базы в Гуандуне, так как выход за его пределы сопряжен с опасностью вмешательства иностранных держав¹⁷³. 15 апреля в телеграмме Л.М. Карахану указывалось, что директивы ЦК «о нежелательности военных экспедиций кантонскими силами вне Кантона и сосредоточении сил Кантона на внутреннем укреплении власти, и в частности армии, должны быть проведены беспрекословно»¹⁷⁴. Возможность подобной кампании в чрезвычайных обстоятельствах допускалась лишь по согласованию с ЦК ВКП(б). Коминтерн продолжил линию Политбюро. В инструкции Дальневосточного секретариата ИККИ для КПК от 27 апреля 1926 г. отмечалось, что Северная экспедиция может быть истолкована как нежелание Кантона «поддерживать и защищать мир», а это будет отрицательно встречено рабочими и крестьянскими организациями¹⁷⁵.

20 мая 1926 г., заслушав доклад комиссии А.С. Бубнова, Политбюро ЦК ВКП(б) вновь заявило о неизменности своего курса и призвало «обязать кантонских товарищей обеспечить проведение неоднократно подтвержденной директивы... в которой высказывалось решительное осуждение походов на Север»¹⁷⁶. Мнения советских представителей в Китае, напротив, были неоднозначными. М.М. Бородин считал, что летом 1926 г. Северный поход невозможен. 30 мая 1926 г. он писал Л.М. Карахану: «...основная причина, почему Северная экспедиция не двигается вперед, та, что в армии нет единства»¹⁷⁷. Главный политический советник полагал, что военная операция не начнется до тех пор, пока не будут устранены разногласия между тремя армейскими группировками. Однако Л.М. Карахан придерживался мнения о неизбежности похода. Он исходил из того, что только подготовка к крупной кампании может оправдать выделение до 75 % бюджета на содержание армии. Иначе правительство должно отказаться от сохранения в Гуандуне военного положения и сократить войска. Это вызвало бы рост недовольства среди военных. В результате полпред СССР пришел к выводу, что расширение подконтрольных территорий являлось для ГМД необходимым условием сохранения власти.

Советские военные советники при НРА оказались заложниками ситуации. С одной стороны, они должны были ориентироваться на директивы Москвы. С другой – у них не было рычагов для изменения политики ГМД. В связи с этим главный военный советник Национального правительства В.К. Блюхер предпочел ориентироваться на текущую обстановку. Работа инструкторов в войсках была продолжена. Более того, Блюхер, совместно с Южнокитайской группой советников, разработал стратегический план Северного похода, принятый Военным советом НРА 23 июня 1926 г.¹⁷⁸

Однако на позицию Москвы эти обстоятельства не повлияли. Альтернативный сценарий, по которому НРА может начать боевые действия за пределами Гуандуна без санкции СССР, не рассматривался. ВКП(б) и ИККИ продолжали возражать против Северного похода до тех пор, пока реальность не заставила их смириться с его неизбежностью. Принятие ГМД самостоятельного решения о начале похода указывало на переоценку Москвой своего влияния на развитие ситуации в Китае. Ограничившись полумерами, повлекшими временную стабилизацию отношений с Чан Кайши, Кремль не изменил суть своего курса. Руководство СССР оказалось не готово признать специфику политической программы Гоминьдана, отказаться от отождествления революционного пути Китая и России.

Таким образом, весной 1926 г. попытка выдвижения КПК на роль лидера в национально-революционном движении, а по сути обеспечения для сторонников компартии ключевых постов в аппарате ГМД и последующего внутреннего переворота в партии, была пресечена Чан Кайши. Тот факт, что после событий 20 марта Кремль ограничился во многом формальными мерами по нормализации диалога с Кантоном, проявив настойчивость в принципиальном вопросе о Северном походе, указывает на неизменность его идейной платформы. Директивы КПК, призывавшие сохранять единый фронт, как и кадровые перестановки внутри советнической миссии, были для Москвы лишь временной уступкой ГМД. Напротив, в Политбюро и ИККИ стала обсуждаться тема усиления внутри его классовых противоречий. Эта риторика задавала тон для продолжения прежнего курса. Отвергнуть саму идею коммунизации Гоминьдана было сложно, так как это подрывало бы классовые основы советской политики. И.В. Сталин уже не мог отказаться от тактики поддержки фракционной борьбы в ГМД. В обстановке усиления противоречий в руководстве ВКП(б) для него было неприемлемо демонстрировать слабость и колебания внешнеполитического курса.

Обоюдное стремление Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина выступать в качестве главного толкователя коммунистической доктрины и преемника В.И. Ленина привело к резкому обострению их идейно-политического и личного противостояния. В полемике Троцкого и Сталина важное место занимали вопросы международных отношений. При этом особое внимание уделялось ситуации в Китае и, в частности, вопросу о целесообразности сохранения единого фронта. Сталин стремился к переориентировке Гоминьдана и всего революционного движения через поэтапное исключение из него сначала крупной, а затем и средней буржуазии, что требовало присутствия коммунистов внутри ГМД. Линия Троцкого, напротив, строилась на идее обособления КПК от Гоминьдана и развития под ее руководством массового движения.

Следует отметить, что представления Троцкого о подъеме перманентной революции на определенном этапе не противоречили идее национальных революций на Востоке. Придавая решающее значение в достижении целей массового движения именно пролетариату, он, однако, не выступал открыто против участия членов КПК в Гоминьдане, как и против разрабатывавшейся в 1924–1925 гг. в ИККИ концепции образования в Китае «рабоче-крестьянской (многоклассовой) партии»¹⁷⁹. Весьма показательным в этом аспекте выступление Троцкого 21 апреля 1924 г. на праздновании трехлетия Коммунистического университета трудящихся Востока. В речи отмечалось: «Борьба за освобождение Китая, идеология Сунь Ятсена – это борьба демократическая, идеология прогрессивная, но буржуазная. Мы стоим за то, чтобы коммунисты поддерживали Гоминьдан в Китае, толкая его вперед. Это необходимо, но здесь

есть и опасность национально-демократического перерождения»¹⁸⁰. По мнению Троцкого, объединение страны под властью ГМД должно привести к ее ускоренному капиталистическому развитию, что создало бы условия для мобилизации рабочего класса, активизации борьбы за установление гегемонии пролетариата в революционном движении.

Позднее Троцкий вернулся к этому вопросу, но уже с совершенно иных позиций. В работе «Критика программы Коммунистического Интернационала» (июль 1928 г.), рассуждая об итогах и перспективах китайской революции, он пришел к выводу о невозможности существования двухсоставной, двухклассовой партии, выражающей две взаимоисключающие исторические линии: пролетарскую и мелкобуржуазную; а также к невозможности создания в капиталистическом обществе самостоятельной крестьянской партии¹⁸¹.

Отправной точкой для расхождения Л.Д. Троцкого и его сторонников К. Б. Радека, Г.Е. Зиновьева с мнением сталинской группы стали события в Китае 20 марта 1926 г. Выступление Чан Кайши привело оппозицию к осознанию того, что «пропасть между буржуазией и пролетариатом в Китае стала стремительно расширяться», а Политбюро ЦК ВКП(б) отказалось принять меры, чтобы дистанцировать китайских коммунистов от Гоминьдана¹⁸². Троцкий пришел к выводу об отступлении Сталина от первоначального ленинского курса. Озвученное в апреле 1926 г. Троцким и Зиновьевым предложение о выходе коммунистов из ГМД спровоцировало раскол¹⁸³.

29 апреля 1926 г. Политбюро постановило «считать такой разрыв совершенно недопустимым. Признать необходимым вести линию на сохранение компартии в составе Гоминьдана»¹⁸⁴. В июле 1926 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) подтвердил данное решение и одобрил работу делегации ВКП(б) в Коминтерне. Однако дискуссия на этом свернута не была. Обсуждение возможных путей развития революции в Китае продолжалось в ходе подготовки VII расширенного пленума ИККИ. В условиях начала НРА Северного похода и ослабления КПК данный вопрос приобрел особое значение.

В сентябре 1926 г., анализируя развитие революционного движения в Китае в работе «Китайская компартия и Гоминьдан», Л.Д. Троцкий не отрицал заслуги предшествующего этапа сотрудничества КПК и ГМД. Он писал: «Участие компартии в Гоминьдане было совершенно правильным для того периода, когда компартия представляла пропагандистское общество, только подготовлявшееся к будущей самостоятельной политической деятельности»¹⁸⁵. Но затягивание отделения КПК от Гоминьдана Троцкий считал ошибкой: «Ее [КПК] прямой политической задачей должна явиться теперь борьба за непосредственное самостоятельное руководство пробужденным рабочим классом... для того, чтобы обеспечить ему... роль политического руководителя (гегемона) в борьбе народных масс Китая»¹⁸⁶. По его мнению, сохранение КПК в составе буржуазной партии ставило под угрозу сам смысл ее дальнейшего существования. В случае нового «правого переворота» компартия оказывалась бы не подготовленной к нему, лишенной необходимой социальной базы, что неминуемо привело бы к ее разгрому. Успешное развитие Северного похода, с точки зрения Троцкого, делало ситуацию еще более опасной для КПК¹⁸⁷. В случае победы НРА над силами милитаристов и объединения Китая под властью ГМД армия Чан Кайши получала возможность выступить против своего временного союзника – КПК, так как с завершением военной кампании на Севере Гоминьдан утрачивал заинтересованность в поддержке единого фронта с коммунистами¹⁸⁸.

В ходе VII пленума ИККИ этот подход не получил полноценного освещения. Сказалось и временное отступление Зиновьева и Радека от поддержки оппозиции. Связанные с политикой Коминтерна до апреля 1926 г., они искали компромисса с Политбюро. Троцкий, лишившись сторонников, воздержался от активной полемики¹⁸⁹.

С иных позиций рассматривали ситуацию в Китае представители Дальневосточного бюро ИККИ (комиссия в составе Г.Н. Войтинского, М.Г. Рафеса и Н.А. Фокина работала в Гуанчжоу в период 6 августа – 2 сентября 1926 г. – И. В.). Они частично соглашались с мнением М.М. Бородина, полагавшим, что Северная экспедиция неизбежно повлечет политическое поражение Чан Кайши и создаст условия для перехода власти в руки блока коммунистов и левой фракции ГМД. Однако если в ИККИ связывали будущее преобразование Гоминьдана с подъемом крестьянского и рабочего движения, «революционизацией масс», то М.М. Бородин делал ставку на внутрипартийные разногласия в ГМД и усиление позиций Ван Цзинвэя в качестве лидера оппозиции¹⁹⁰.

30 ноября 1926 г. в ходе заседания Китайской комиссии VII пленума ИККИ свое видение ситуации в Китае представил И.В. Сталин. Она, по его мнению, обуславливалась «во-первых, тем, что революция в Китае, как революция национально-освободительная, будет направлена своим острием против империализма; во-вторых, тем, что крупная национальная буржуазия в Китае слаба... что облегчит дело гегемонии пролетариата, дело руководства пролетарской партии в отношении китайского крестьянства; в-третьих, тем, что революция в Китае будет развиваться при обстоятельствах, дающих возможность использовать опыт и помощь победившей революции в Советском Союзе»¹⁹¹.

Исходя из этого, И.В. Сталин предлагал активизировать деятельность коммунистов в ГМД, НРА, массовых объединениях: «Антиимпериалистический фронт будет тем сильнее и могущественней, чем скорее и основательнее втянется китайское крестьянство в революцию»¹⁹². Однако, оппонировав проректору Университета трудящихся Китая П.А. Мифу, он высказался против создания Советов в деревне до их формирования в крупных промышленных центрах. Основной опорой революции Сталин видел пролетариат, а носителем и распространителем новых идей – армию. Будущее национально-революционного движения в Китае он связывал с постановкой, в ходе борьбы с империализмом, вопроса о национализации железных дорог, промышленных предприятий и земли¹⁹³.

Результатом работы VII пленума ИККИ стала резолюция от 16 декабря 1926 г. о положении в Китае, отражавшая позицию Сталина. В ней отвергался буржуазно-демократический характер революции¹⁹⁴. Взамен постулировалась теория ее трехэтапного развития, основанная на выделении основных движущих сил: на первом этапе буржуазия; на втором – блок пролетариата, крестьянства и буржуазии; на третьем – «блок пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии, при устранении большей части крупной капиталистической буржуазии»¹⁹⁵. Ключевой проблемой текущего этапа, переходного со второй на третью стадию, объявлялось проведение аграрной реформы. Из этого выводилась необходимость развития массового, в первую очередь крестьянского движения.

В рекомендациях компартии по взаимодействию с Гоминьданом резолюция VII пленума ИККИ ориентировала КПК на содействие в оформлении левого крыла ГМД «без попыток замещения его в руководящей работе членами компартии», последовательную критику колеблющегося центра и систематическую борьбу с правой фракцией. По своей сути, призыв к коммунистам «войти в кантонское правительство для того, чтобы поддержать революционное левое крыло» означал официальное признание курса на содействие только части ГМД¹⁹⁶.

Формально данные решения не исключали возможность сотрудничества КПК и ГМД, призывая их к взвешенным и осторожным действиям, сохранению единого фронта. Однако фактически в декабрьской 1926 г. резолюции ИККИ о положении в Китае получила дальнейшее развитие тенденция к выдвиганию КПК на руководящие позиции в революционном движении, углублению в Гоминьдане фракционной борьбы.

Тактика, направленная на раскол ГМД, проявилась в 1927 г. в ходе дискуссии в Гоминьдане о месте размещения ставки Национального правительства (Нанкин – Чан Кайши, Ухань –

левая фракция ГМД). В обсуждение этого сугубо внутреннего вопроса вмешался М.М. Бородин, поддержав требование перевода правительства в Ухане. Он считал момент подходящим для разрыва с Чан Кайши. Позиция главнокомандующего НРА в партии, по мнению Бородина, была неустойчивой, а поддержка в армии – недостаточной для подчинения рабочего и крестьянского движений – основной силы КПК и левых. В беседе с секретарем юридического сектора постпредства СССР в Пекине М. Юшкевичем он утверждал: «У Чан Кайши ничего нет. Есть только главнокомандующий Чан Кайши, а у него, пожалуй, 1-я дивизия, на которую он может положиться. А в Ухане все. Большинство армии за нами. Рабочие и крестьяне за нами»¹⁹⁷. С точки зрения В. К. Блюхера, возможности для разрыва отношений с Чан Кайши после захвата Шанхая были упущены, а его популярность в армии возросла. Однако в переписке с Москвой М.М. Бородин старался представить исключительно собственное видение ситуации¹⁹⁸.

Активность М.М. Бородина настораживала Москву. 15 февраля 1927 г. Китайская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) направила ему телеграмму: «... в вопросе о местонахождении центрального правительства Вам не следовало ставить себя в положение борющейся стороны, так как это может создать у китайцев впечатление, что Вы проводите личную политику»¹⁹⁹. 17 февраля 1927 г. последовало новое сообщение: «Линию ЦК Гоминьдана в отношении Чан Кайши считаем правильной. Принять меры, чтобы, во-первых, не выпячивался при этом Бородин, дабы конфликт не был расценен как борьба между Бородиным и ЧКШ (Чан Кайши. – И. В.) за влияние, во-вторых, не доводить дело до разрыва с Чан Кайши и ограничиться полным подчинением ЧКШ Нацправительству...»²⁰⁰

Таким образом, в начале 1927 г. наметился очередной кризис в отношениях ИККИ и ВКП(б) с ГМД. Политика СССР продолжала характеризоваться наличием противоречивых тенденций. В духе решений VII пленума ИККИ Москва поддерживала КПК и левое крыло ГМД, но в то же время стремилась избежать эскалации конфликта с правыми, поскольку без сохранения единого фронта невозможно было осуществить переворот внутри Гоминьдана. Окончательный разрыв с ГМД оставлял для КПК возможность прихода к власти только через подъем массовых выступлений. Однако для правящей группы в ЦК ВКП(б) подобный сценарий развития революции в Китае выглядел как уступка троцкистской оппозиции и был неприемлем. Не исключено, что в Москве опасались и компрометации советнического корпуса и, как следствие, обвинений во вмешательстве во внутреннюю политику Китая.

Тем не менее состоявшийся в Ухане 10–17 марта 1927 г. III пленум ЦИК Гоминьдана второго созыва обозначил раскол в партии. Его решения, формировавшиеся в русле политики левых, были направлены на сохранение контроля над массовым движением, усиление коллегиальных начал в руководстве партии, ограничение личной власти Чан Кайши и недопущение установления на подконтрольных ГМД территориях армейской диктатуры. В резолюции «Об объединении революционных сил» пленум формально подтвердил курс на сохранение единого фронта ГМД и КПК, а в «Манифесте к народу всей страны» высказался за дальнейшее укрепление связей с СССР²⁰¹.

В начале 1927 г. Москва вновь предприняла попытку активизировать наступательную политику внутри ГМД. Она сохранила ориентацию на поддержку уханьского крыла, расширение рабочих и крестьянских организаций. Коминтерн разрабатывал идею создания вооруженных формирований, подконтрольных КПК. В то же время Китайской комиссией ЦК ВКП(б) недооценивалось влияние Чан Кайши в войсках и партии, а также опасность реакции Англии и Франции на радикализацию антииностранных выступлений в Китае. Между тем благодаря этим факторам Чан Кайши смог консолидировать в своих руках рычаги управления армией. 12–15 апреля 1927 г. он подавил массовые выступления в крупных промышленных центрах юга страны и 18 апреля 1927 г. создал в Нанкине собственное правительство.

ИККИ немедленно отреагировал на данный шаг. «Воззвание в связи с контрреволюционным переворотом Чан Кайши» (14 апреля 1927 г.) называло главной причиной раскола ГМД противодействие рабочему и коммунистическому движению. Решениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 и 27 апреля 1927 г. советники были отозваны из ставки Чан Кайши. Фактически это означало окончательный переход к поддержке левой фракции в ГМД. Однако в конце марта 1927 г. в Китай были направлены директивы, обязывающие ЦИК КПК избегать столкновений с Национальной армией в Шанхае²⁰².

Противоречивость установок была вызвана не только сложностью ситуации в Китае, но и очередным обострением внутрипартийной борьбы в ВКП(б). 19–20 апреля 1927 г. Л.Д. Троцкий оценил переворот Чан Кайши как «классовый сдвиг всей революции, полное отстранение низов от „соучастия“ во власти, закрепление военно-буржуазного господства над революцией...»²⁰³. В качестве основных ошибок, допущенных Москвой в ходе китайской революции, он назвал: «Во-первых, подчинение компартии Гоминьдану; во-вторых, отказ от организации Советов; в-третьих, отказ от вооружения рабочих»²⁰⁴. По мнению Троцкого, было необходимо немедленно изменить стратегию КПК: «Не может быть и речи о сохранении того постыдного положения, когда компартия подчинена мелкобуржуазной организации, руководимой крупной буржуазией. Если компартия будет гоняться за Гоминьданом, она не приобретет влияния на массы, облегчит Гоминьдану новый сдвиг вправо и вынуждена будет порвать с ним в наилучших условиях»²⁰⁵. Важным шагом для «классовой передвижки во всем руководстве революции» он считал переход КПК к самостоятельной политике и создание в Китае структур, аналогичных российским Советам рабочих и солдатских депутатов, как основной опоры для консолидации крестьянских и рабочих организаций²⁰⁶.

В конце апреля – начале мая 1927 г. КБ. Радек представил свое мнение о развитии национально-революционного движения в Китае. Он указывал, что индивидуальное членство коммунистов в Гоминьдане и их попытка на этой основе «организовать для борьбы крестьян и мелкую буржуазию» привели к сознательной консолидации правого крыла ГМД²⁰⁷. Последующую политику Чан Кайши Радек трактовал как попытку подчинить Компартию Китая. Ключевой ошибкой последней стала недооценка классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией, из чего следовало допущение возможности их совместной революционной борьбы. Радек обвинил КПК и Коминтерн в слабости массовой агитационной работы, прежде всего в рабочей и армейской среде²⁰⁸. Вслед за Троцким он предложил на территории, контролируемой Уханем, немедленно приступить к вооружению рабочих, создать местные органы самоуправления по типу Советов, а параллельно с этим провести ряд социальных реформ: отмену арендной платы за землю, введение восьмичасового рабочего дня, увеличение заработной платы, создание кредитного фонда для мелких ремесленников и т. д. Радек предупредил об усилении опасности вмешательства иностранных держав во внутренние дела Китая. Тем не менее он предлагал не следовать политике умиротворения, а, напротив, открыто демонстрировать классовый характер революции, привлекая, таким образом, внимание мирового коммунистического движения к проблемам Китая²⁰⁹.

В начале мая 1927 г. Троцкий выступил с критикой тезисов Сталина «Вопросы китайской революции», опубликованных «Правдой» 21 апреля²¹⁰. Он считал переворот Чан Кайши «поражением „аппаратных“ методов руководства, при которых партия ставится перед каждым решением как перед свершившимся фактом»²¹¹. Главной ошибкой называлось «неправильное понимание роли империализма и его влияния на классовые взаимоотношения Китая»²¹². По мнению Троцкого, борьба за выход из полуколониальной зависимости была не способна ослабить политическую дифференциацию классов и создать базу для их длительного сотрудничества в рамках единого фронта²¹³.

Сделав вывод, что конфликт буржуазии и пролетариата в Китае неизбежен, Л.Д. Троцкий вновь подчеркнул необходимость перехода компартии к самостоятельным действиям, в противовес ее текущему, подчиненному положению в ГМД. 24 мая 1927 г. на VIII пленуме ИККИ Троцкий заявил, что «...необходимо поставить вопрос о политической самостоятельности коммунистической партии над всеми другими соображениями, в том числе и над пребыванием в Гоминьдане»²¹⁴. Он рекомендовал КПК организовать собственную ежедневную печать, в которой вести критику политики ГМД; осудить отсрочку «аграрной революции» и «перестройки правительства» до окончания боевых действий; выступать за сотрудничество КПК и ГМД «на основе массовых Советов» и т. д.²¹⁵ В дальнейшем Троцкий предлагал «... министрам-коммунистам выйти из национального правительства, призвать массы захватывать земли немедленно и строить Советы» (28 мая 1927 г.)²¹⁶.

24 мая 1927 г. Сталин в речи на заседании ИККИ опроверг аргументы оппозиции, противопоставив ей «линию Коминтерна»²¹⁷: «Политика поддержки Уханя является политикой развертывания буржуазно-демократической революции... Отсюда участие коммунистов в уханском Гоминьдане... которое не исключает, а предполагает всемерную критику со стороны коммунистов половинчатости и колебаний своих союзников в Гоминьдане. Это участие коммунистов должно быть использовано для того, чтобы... приблизить момент перехода к революции пролетарской»²¹⁸. Сталин не считал текущий момент подходящим для активных действий: «Предлагать теперь... немедленное образование Советов рабочих и крестьянских депутатов и немедленное создание двоевластия, теперь, когда буржуазно-демократическая революция находится еще в начальной фазе своего развития... – это значит дезорганизовать революционное движение, ослабить Ухан...»²¹⁹

Итоговая резолюция VIII пленума ИККИ по китайскому вопросу не отрицала важность предшествовавшего «блока с национальной буржуазией» для развития революционного движения. В то же время ИККИ ориентировал КПК на развертывание аграрной революции, борьбу за гегемонию пролетариата и установление диктатуры рабочего класса и крестьянства. В резолюции подчеркивалась необходимость реорганизации правительства в Ухане и НРА²²⁰.

Таким образом, внутрипартийная борьба в ВКП(б) оказала существенное влияние на формирование политики СССР в отношении Гоминьдана. В ходе дискуссии позиции Сталина и Троцкого кардинально разошлись. Столкнувшись с критикой, лидер ВКП(б) стремился оправдать сотрудничество с Чан Кайши. Признать, что его переворот в апреле 1927 г. был вызван в числе прочего просчетами Кремля, согласиться на выход членов КПК из ГМД, сделать ставку на рабочие и крестьянские организации – означало для Сталина пойти на уступки Троцкому, его сторонникам и усилить оппозицию²²¹.

В этих обстоятельствах Сталин, Бухарин и Молотов избрали тактику комбинирования маневров КПК внутри Гоминьдана и развития массового движения под лозунгами аграрной революции. Однако это не способствовало укреплению контактов с ГМД. Курс, разработанный для единого фронта, призванного объединить две партии, не учитывал интересов и программы ГМД. В итоге это стало причиной для размежевания КПК, ИККИ и ВКП(б) с левым Гоминьданом.

Разрыв единого фронта КПК и ГМД произошел 15 июля 1927 г.²²² В Коминтерне вина за его распад была возложена преимущественно на КПК. Показательно в этом плане мнение М.Г. Рафеса, сотрудника Восточного отдела ИККИ, секретаря Дальбюро в Шанхае и заведующего иностранным отделом ТАСС. В 1927 г. он указывал: «Линия Коминтерна была намечена отчетливо и ясно, и это была правильная линия. Если бы руководство китайской компартии не страдало некоторой массобоязнью, если бы завоевание армии проводилось настойчивее, результаты измены Ухана были бы более плачевны для уханцев, чем для нас»²²³. По его мне-

нию, роковую роль сыграли колебания руководства КПК, которое не имело до конца продуманной стратегии в отношении ГМД. Вывод Рафеса был однозначен: «...та доля ответственности, которая лежит на китайской компартии за поражение в революции, проистекает не из того, что делалась ставка на овладение Гоминьданом, как полагает оппозиция, а из того, что эта линия... проводилась слишком робко и непоследовательно»²²⁴.

В ходе объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля – 27 августа 1927 г. Сталин подвел итоги взаимодействия с Гоминьданом на предшествующем этапе. Выступая 1 августа, он резко критиковал Троцкого и его сторонников и оправдывал политику правящей группы в отношении Китая. В частности, Сталин указывал на ошибочность отождествления оппозицией революции в империалистических и зависимых странах. Он доказывал, что на определенной стадии развития «национальная буржуазия колониальных и зависимых стран может поддержать революционное движение своей страны против гнета империализма»²²⁵. По его мнению, это отчетливо проявилось на первом этапе «революции общенационального объединенного фронта», когда Кантон действительно являлся «плацдармом революции», а следовательно, решение о поддержке ГМД было целесообразным²²⁶. Проводя аналогии с событиями 1905–1907 гг. в России, он считал закономерным, что на первом этапе победа над империализмом не была достигнута.

Основную задачу второго этапа, когда центр революционного движения сместился в Ухань, Сталин видел в том, «чтобы толкать уханьских гоминьдановцев влево, в сторону аграрной революции»²²⁷. Требования оппозиции о создании в этот период Советов в Китае он называл «авантюристским перепрыгиванием через левогоминьдановскую фазу развития», когда левый Гоминьдан еще не исчерпал свой потенциал, «не успел дискредитировать себя в глазах масс рабочих и крестьян»²²⁸. Следовательно, разрыв с ним до завершения переходной стадии был преждевременным. Будущее революции в Китае Сталин связывал с третьим – советским – этапом, который начнется с подъемом массового движения крестьянских и рабочих союзов, убедившихся в необходимости свержения гоминьдановского режима.

Таким образом, основные ошибки оппозиции И.В. Сталин видел в следующем: «Оппозиция не понимает характера и перспектив китайской революции; не видит разницу между революцией в Китае и революцией в России, между революцией в колониальных странах и революцией в странах империалистических; оппозиция рвет с ленинской тактикой в вопросе об отношении к национальной буржуазии в колониальных странах на первом этапе революции; не понимает вопроса об участии коммунистов в Гоминьдане; нарушает основы ленинской тактики в вопросе о соотношении между авангардом (партией) и арьергардом (миллионными массами трудящихся); оппозиция рвет с резолюциями VI и VII пленумов ИККИ»²²⁹.

Точка зрения Сталина была полностью поддержана объединенным Пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б). В резолюции о международном положении от 9 августа 1927 г. также содержались обвинения в адрес КПК и троцкистской оппозиции. В политике компартии усматривались правый уклон, к которому ее руководство «скатывалось вопреки директивам Коминтерна»²³⁰, неверное противопоставление аграрной и национальной революции, отрицание неизбежности классовых противоречий внутри единого фронта. Основной ошибкой Л.Д. Троцкого называлось непонимание специфики китайской революции²³¹. Задержка выхода КПК из ГМД и организации Советов оправдывалась несвоевременностью этих мер в ситуации, «когда Гоминьдан еще вел революционную политику»²³². Поражение КПК объяснялось соотношением классовых сил, слабой организацией рабочего движения, систематическим отклонением директив Коминтерна.

Однако разрыв Уханя с коммунистами делал невозможным продолжение прежнего курса ВКП(б) на переориентировку платформы ГМД изнутри. Утратив связь с аппаратом власти,

КПК лишилась каких-либо возможностей воздействовать на политику Гоминьдана. Вынужденный отказ от тактики маневрирования в ГМД привел к необходимости срочного обоснования политической линии Москвы. Летом 1927 г. общая концепция нового этапа китайской революции была сформулирована Сталиным и развита Бухариным. Она была рассчитана на активизацию массового движения при гегемонии КПК, подъем аграрной революции. Предполагалось, что компартия будет вести самостоятельную борьбу за установление в стране диктатуры пролетариата и крестьянства в форме Советов²³³.

По мнению Чан Кайши, окончательный распад единого фронта «вынудил Сталина принять на вооружение идеи Троцкого об образовании сепаратного советского режима в Китае... Для обоснования подготовляемых им накануне XV партсъезда ВКП(б) нападок на Троцкого Сталину было необходимо, чтобы китайские коммунисты подняли ряд городских восстаний, что послужило бы доказательством его конечной правоты...»²³⁴. Слабо подготовленные выступления в Наньчане и Кантоне были быстро подавлены войсками Чан Кайши²³⁵. Однако для достижения Сталиным цели ликвидировать оппозицию это не имело принципиального значения. В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) единогласно одобрил резолюцию по отчету Центрального комитета, которая признавала несовместимость принадлежности к оппозиционной фракции с пребыванием в партии²³⁶.

С подавлением объединенной оппозиции в ВКП(б) и свертыванием сотрудничества Москвы и Гоминьдана обсуждение вопросов китайской революции не было завершено. На рубеже 1920—1930-х гг. представителями ВКП(б) и Коминтерна был опубликован ряд работ, в которых дан анализ развития событий в Китае с позиций критики КПК и оппозиционной фракции в ВКП(б), обвинения ГМД в отходе от принципов Сунь Ятсена и идеалов мирового революционного движения²³⁷. В конце 1920-х гг. в обстановке эскалации кризиса советско-китайских отношений обсуждение политики Гоминьдана приобрело особую остроту.

На совещании китайской комиссии Коминтерна от 13 октября 1929 г. по этому поводу отмечалось: «Нанкинский Гоминьдан давно уже переродился, и теперь уже нанкинское правительство является прямым выразителем империалистических интересов... он [ГМД] представляет одно из крыльев контрреволюции в Китае и выражает как раз интересы крупной промышленности, китайской буржуазии в наиболее концентрированной форме, чем это делала раньше до весны 1928 г. группа, возглавляемая Чан Кайши»²³⁸. На заседании, проходившем в ноябре 1929 г., представитель Профинтерна в Китае А. Масси наиболее вероятными следствиями этого процесса назвал попытки западноевропейских держав «увлечь Китай в антисоветский блок» и очередной раздел Поднебесной «между провинциальными чиновниками»²³⁹. На этом фоне, в результате вооруженного конфликта на КВЖД, последовал разрыв дипломатических отношений СССР с Китайской Республикой.

На протяжении всего периода отсутствия дипконтактов с Нанкином (1929—1932 гг.) советская политика сохраняла антигоминьдановскую направленность. В условиях обострения конфронтации ГМД и компартии Москва не прекратила вмешательство во внутривнутриполитическую борьбу в Китае. В силу идеологических разногласий диалог с ГМД был невозможен. Контакты СССР сконцентрировались на КПК, которой Москва оказывала помощь по линии Коминтерна.

Основной вектор этой политики отражен в письме Политсекретариата ИККИ в ЦК КПК от 29 декабря 1929 г. В документе указывалось, что «в результате измены буржуазии в 1927 г. <...> изменилась и переродилась социальная основа различных политических группировок Гоминьдана, в частности и „левого“ Гоминьдана»²⁴⁰. ИККИ жестко препятствовал сближению КПК и левой фракции ГМД. «Попытки проведения аналогии между политическими группировками нынешнего и уханьского периодов» представлялись как «проявление оппортунизма».

Компартии Китая рекомендовалось сосредоточить усилия на развитии «самостоятельного массового движения»; развернуть в печати и устной агитации «разоблачения контрреволюционной роли всех групп Гоминьдана» и в первую очередь «реорганизационистов»; уделить исключительное внимание развитию стачечного и антиимпериалистического движения, расширить партизанскую борьбу; в связи с конфликтом в Маньчжурии организовать кампанию «под прямыми лозунгами защиты СССР»²⁴¹.

В июне 1930 г. эти положения были подтверждены и расширены в резолюции ИККИ по китайскому вопросу. В ней главнейшими задачами партии назывались формирование аппарата центрального советского правительства и боеспособной, политически выдержанной Красной армии. Китайским коммунистам рекомендовалось поставить в центр своего курса разрешение земельного вопроса, подчинив всю деятельность партии «интересам развития крестьянского движения, интересам укрепления союза рабочих и крестьян при руководящей роли пролетариата, укреплению власти Советов и дальнейшего расширения советских районов»²⁴². Данные меры должны были еще более обособить КПК, заложить базу для ее автономного существования.

Этот курс в отношении Китая сохранялся ВКП(б) и Коминтерном до конца 1932 г. В условиях, когда СССР открыто поддерживал основного соперника ГМД в борьбе за власть, не могло быть речи о возобновлении конструктивного диалога между Москвой и Нанкином. Только ввиду роста военной угрозы со стороны Японии стороны смогли подойти к восстановлению двусторонних контактов.

Анализируя формирование и трансформацию советской политики в отношении Гоминьдана в 1923–1932 гг., необходимо отметить наличие в ней трех характерных тенденций: преобладание идеологических мотивов, особую роль вопроса о едином фронте КПК и ГМД и существенное влияние внутрипартийной борьбы в ВКП(б) на формирование внешнеполитического курса в отношении Китая.

Восточная политика Москвы в 1920-х гг. строилась на принципах поддержки мирового революционного движения. При этом межпартийные отношения практически сливались с межгосударственными. Иными словами, в своем внешнеполитическом курсе Кремль был готов отдавать приоритет классовым лозунгам над геополитическими интересами. Идеологическая составляющая, проявившаяся в обсуждении ВКП(б) и Коминтерном формы взаимодействия коммунистического и национально-революционного движения в Китае, играла ведущую роль и в определении характера сотрудничества СССР и ГМД в рассматриваемый период. Если ленинский подход предполагал подъем национальных антиколониальных революций с привлечением всех заинтересованных сил в качестве шага к мировой революции, то сталинская программа исходила из ориентации на установление прокоммунистических режимов на Востоке как средства укрепления позиций Москвы.

Двойственность политики Кремля, когда провозглашение поддержки единого фронта на практике оборачивалось стремлением к усилению позиций КПК в ГМД и в Национальном правительстве, а также к переориентации национально-революционного движения на идейную платформу компартии, стала причиной кризиса взаимоотношений СССР и Гоминьдана. Ситуация усугублялась внутренней борьбой в ВКП(б). Критика внешней политики выступала инструментом в противоборстве Сталина и Троцкого за лидерство в партии. Оппозиция не могла оказать прямого влияния на формирование политики ВКП(б) в отношении Китая, поскольку была отстранена от реальных рычагов управления. Однако сам факт ее наличия оказал консервирующее воздействие на курс ВКП(б), не позволив гибко реагировать на изменение обстановки в Китае. В результате идеологические мотивы, ставшие в 1923 г. основой для сближения Москвы и Кантона, в конце 1920-х гг. привели к прекращению военно-политического сотрудничества СССР и Гоминьдана.

1.3. Изменение баланса сил на Дальнем Востоке в связи с расширением японской агрессии в Китае

Баланс сил на Дальнем Востоке изменился в конце 1920-х гг., вскоре после разрыва дипломатических отношений Советского Союза с Китаем. Подготовка Японии к «большой войне», начатая на рубеже 1920—1930-х гг., быстро переросла в широкомасштабную акцию по захвату Маньчжурии. 18 сентября 1931 г. императорские войска, спровоцировав инцидент на принадлежавшем Японии участке ЮМЖД, вторглись в северо-восточные провинции Китая. 19 сентября они заняли Мукден. В начале 1932 г. была оккупирована вся Северная и Южная Маньчжурия. В январе – марте 1932 г. японский десант высадился в устье Янцзы. В Шанхае интервенты столкнулись с упорным сопротивлением армии и населения. Это ускорило принятие Токио решения по отторжению Маньчжурии от Китая. 1 марта 1932 г. было образовано государство Маньчжоу-Го со столицей в Чанчуне. Его главой стал Пу И, последний представитель династии Цин, но все институты власти полностью контролировались Токио через командование Квантунской армии²⁴³. С этого момента военная экспансия Страны восходящего солнца стала основным источником напряженности международной обстановки на Дальнем Востоке.

Усиление в административном аппарате Японии влияния радикально настроенного генералитета создавало потенциальную угрозу безопасности дальневосточных регионов СССР²⁴⁴. Столкновение интересов России и Японии в Северо-Восточном Китае угрожало в любой момент перерасти в открытый вооруженный конфликт. Маньчжурия была важна для Москвы не только в экономическом и политическом аспектах, но и имела стратегическое значение, поскольку через нее открывался прямой выход к границам СССР. Более того, и после окончания конфликта на КВЖД опасения Кремля продолжало вызывать наличие в Маньчжурии русских эмигрантских организаций. В случае нового подъема антисоветских настроений в Китае они могли быть использованы для ведения подрывной и разведывательной деятельности в СССР²⁴⁵.

Ухудшение отношений между СССР и Китаем еще более осложняло их положение. Односторонняя ориентировка на КПК и прекращение контактов с Гоминьданом серьезно уменьшили влияние Кремля на политическую ситуацию в Китае. В силу идейно-политических расхождений объединение усилий ГМД и СССР для совместной борьбы с экспансией Токио на континенте оказалось невозможно²⁴⁶. В то же время Москва и Нанкин не имели достаточных сил, чтобы действовать в одностороннем порядке. Это заставляло Сталина и Чан Кайши мириться с японским военным присутствием в Маньчжурии.

Внимание Гоминьдана концентрировалось на внутренних проблемах. Создание Чан Кайши в 1927 г. Национального правительства не привело к централизации власти. Нельзя было исключать возможность победы в стране прояпонски настроенных сил. Лидеру ГМД приходилось лавировать между политическими течениями внутри партии и интересами милитаристских группировок. Последние не признавали власть Нанкина и контролировали значительную часть страны. На северо-западе в провинции Шаньси действовали войска Янь Сишаня. Его армия насчитывала до 60 тыс. человек. Маршал Чжан Сюэлян унаследовал в 1928 г. от отца Чжан Цзолиня власть в Маньчжурии. После ее оккупации, с 1933 г., он фактически господствовал в провинции Шэньси, губернатором которой был генерал Ян Хучэн. В распоряжении Чжан Сюэляна находилась 150-тысячная армия. В районах, где преобладало мусульманское население – провинциях Ганьсу, Цинхай и Нинся, – руководили так называемые «мусульманские генералы» братья Ма Буфан, Ма Хункуй и Ма Буцин²⁴⁷.

Однако основное противостояние разворачивалось между ГМД и КПК в борьбе за власть обе партии стремились использовать рост национального самосознания и патриотизма, вызванный японской интервенцией.

Программа компартии ставила в качестве основной задачи проведение социальной революции, но с учетом общественных настроений подчиняла ее необходимости борьбы за независимость Китая. Следуя этой логике, уничтожая власть правящих классов, которые были готовы сотрудничать с иностранным империализмом, КПК создавала базу для восстановления и в перспективе интенсивного развития страны.

Сформулированная Гоминьданом программа национального возрождения Китая была направлена на восстановление его территориальной целостности. Ее реализация предполагала несколько этапов: подавление оппозиции, отмену неравноправных договоров и переход к международным отношениям на основе признания равенства и суверенитета Китая, возврат контроля над «исконно китайскими» территориями – Синьцзян, Маньчжурия, Тайвань, Монголия и др.²⁴⁸

Первоочередной задачей Чан Кайши стало уничтожение вооруженных сил КПК и советских районов. Только с декабря 1930 г. по февраль 1933 г. войска ГМД при поддержке местных милитаристов осуществили четыре похода против китайской Красной армии. В результате, как отмечал О. Браун, направленный ИККИ в 1932 г. в Китай в качестве военного советника при ЦК КПК, действия Красной армии преследовали ограниченную цель: «Вырваться из котла, в который превращался Центральный советский район²⁴⁹...»²⁵⁰ В этих условиях в сентябре 1934 г. КПК было принято решение оставить Центральную опорную базу и, прорвав кольцо укреплений врага, выйти в провинцию Сычуань.

С октября 1934 г. по сентябрь 1935 г. китайская Красная армия совершила переход через 12 провинций протяженностью около 10 тыс. км, вошедший в историю как «Великий поход». На стыке провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся руководством КПК была создана новая опорная база с административным центром в г. Яньань²⁵¹. Однако за время похода численность войск 1-го фронта Красной армии, составлявшая на момент выхода из Цзянси около 100 тыс. человек, по прибытии в Шэньси сократилась до 10 тыс.²⁵²

Таким образом, в 1932–1935 гг. КПК лишилась большей части своих опорных баз, утратила политические и экономические позиции в Центральном и Восточном Китае. Красная армия в период «Великого похода» понесла огромные потери, что существенно снизило ее боеспособность²⁵³. В середине 1930-х гг. компартия не имела сил и политического влияния для консолидации населения на сопротивление агрессии Японии.

В 1933 г. Токио воспользовался противоборством ГМД и КПК, расширив подконтрольные территории за счет захвата Шаньхайгуаня и провинции Жэхэ. 31 мая 1933 г. китайское правительство подписало в Тангу договор, предусматривавший демилитаризацию провинции Хэбэй. Секретное соглашение военного министра Хэ Инциня и командующего японскими войсками в Северном Китае генерала Умедзу от 9 июня 1935 г. фактически передавало эти территории под контроль Токио²⁵⁴.

Укрепление Японии на севере Китая серьезно обеспокоило Кремль. С образованием Маньчжоу-Го и выходом императорской армии к границам СССР угроза японского вторжения на территорию советского Дальнего Востока стала постоянным фактором во внешней политике Москвы. О серьезности замыслов Токио, в частности, говорит резюме беседы посла Японии в СССР Хирота с генерал-майором Харада от 1 июля 1931 г., предоставленное Особым отделом ОГПУ для ознакомления И.В. Сталину. В тексте документа признавалась необходимость перехода к твердой политике по отношению к Советскому Союзу, при готовности в любой момент начать войну. В резюме также отмечалось: «Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении Совет-

ским Дальним Востоком и Восточной Сибирью»²⁵⁵. Высказывание посла явно выходило за рамки частного мнения, но еще не гарантировало неизбежность военного конфликта между СССР и Японией.

В середине 1930-х гг. в состав Квантунской армии входили 6 дивизий, имевших на вооружении более 400 танков, около 1200 орудий и 500 самолетов. Однако для нападения на Советский Союз указанные войска нуждались в создании надежной системы тылового обеспечения. В этих целях за период 1932—1934 гг. в Маньчжурии японцы проложили свыше 1000 км железных дорог и 2000 км шоссейных магистралей. К 1937 г. было создано 43 военных аэродрома и около 100 посадочных площадок²⁵⁶. Строительство военной инфраструктуры отвечало двум возможным сценариям конфликта с СССР. Оно усиливало наступательный потенциал императорской армии на материке, а в случае необходимости позволяло занять жесткую оборону.

Сам факт предстоящего столкновения с СССР в Токио не подвергался сомнению. Неизбежность советско-японской войны, в частности, подчеркивалась в датированном 1932 г. докладе военного атташе Японии в СССР Касахары. В документе также говорилось, что с точки зрения боеспособности РККА для Японии было не выгодно откладывать начало боевых действий²⁵⁷. В том же году император Хирохито одобрил план войны против Советского Союза на 1933 г., разработанный Генштабом. Однако вопрос о сроках начала кампании оставался дискуссионным. В июне 1933 г. на совещании руководства сухопутных сил ряд генералов, в том числе Т. Нагата и Х. Тод-зио, высказались за необходимость захвата Китая и расширение за его счет промышленного потенциала империи до нападения на СССР. Военный министр С. Араки настаивал на отсрочке до 1936 г., когда «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха»²⁵⁸.

Подготовка Токио к вторжению в СССР не ограничивалась созданием военных объектов в Маньчжоу-Го. Необходимость сбора сведений о мерах, предпринятых Москвой для укрепления обороноспособности дальневосточных рубежей, подталкивала японское командование к активной разведывательной деятельности. Параллельно с этим предпринимались демонстративные провокации, направленные на поиск поводов для эскалации напряженности и создание нестабильной обстановки в приграничных районах.

21 июля 1934 г. три японских самолета-разведчика от г. Хулинь вторглись в воздушное пространство СССР и, сделав два круга над г. Иманом (совр. Дальнереченск), вернулись на свой аэродром²⁵⁹. Главным управлением пограничных и внутренних войск НКВД СССР и Управлением Краснознаменной пограничной и внутренней охраны НКВД Дальневосточного края было зафиксировано, что в течение семи месяцев 1935 г. произошло 24 нарушения границы японскими самолетами, 33 обстрела советской территории с сопредельной стороны, 46 нарушений речной советско-маньчжурской границы судами Маньчжоу-Го²⁶⁰. Расширилась заброска японских разведывательно-диверсионных групп на территорию СССР. К участию в подобных акциях активно привлекались маньчжуры, китайцы, монголы. Особое значение Токио придавал использованию специально подготовленных групп русских эмигрантов, осевших в Маньчжурии в начале 1920-х гг.²⁶¹

Отмечалась тенденция к учащению вооруженных столкновений. Согласно докладу Управления пограничной и внутренней охраны НКВД Восточно-Сибирского края об обстановке на государственной границе СССР в 1936 г., «из 20 случаев переходов советско-маньчжурской границы японо-маньчжурскими вооруженными группами за второе полугодие 1935 г. 14 таких нарушений границы произведены за ноябрь и декабрь»²⁶². В 1936—1938 гг. официально был зарегистрирован 231 случай незаконного пересечения границы СССР, из которых 35 закончились крупными боестолкновениями²⁶³. К отражению нападений японо-

маньчжурских отрядов привлекались не только бойцы погранвойск, но и части Красной армии, а также корабли Краснознаменной Амурской флотилии²⁶⁴.

Советский Союз не был заинтересован в военном конфликте с Японией и искал альтернативные варианты противодействия ей. Интересам Москвы отвечало такое развитие ситуации, при котором Токио направил бы агрессию против Китая и был втянут в затяжную войну. Это лишило бы Японию возможности выступить против СССР. Однако в своих расчетах Сталин не мог полагаться на КПК, войска которой не могли оказать эффективного сопротивления японской армии. В связи с этим усилия Москвы были направлены на возобновление конструктивного диалога с Нанкином.

Вместе с тем СССР стремился к укреплению своих позиций в приграничных регионах Китая, посредством поддержки в них просоветских или лояльных местных режимов. Таким образом, Москва предполагала создать буфер на случай войны на Дальнем Востоке или же плацдарм, который при благоприятных условиях можно было использовать для дальнейшего распространения коммунистических идей в Китае и связи с КПК. Наибольшее внимание СССР в этом плане привлекали Синьцзян и МНР.

Для Москвы было крайне важно не допустить усиления японского влияния в расположенном на северо-западе Китая Синьцзяне, поскольку это открыло бы для Токио возможность проникновения в Среднюю Азию²⁶⁵. Тем не менее Кремль должен был сохранять предельную осторожность. Силовая акция, направленная на установление в Урумчи просоветского режима и отделение Синьцзяна от Китая, могла привести к новому конфликту с ГМД, к обострению отношений с Японией и к сближению Нанкина и Токио на почве совместного сдерживания СССР. Ни один из этих вариантов не отвечал интересам Москвы. Поэтому в 1931 г., когда началось восстание мусульманского населения в Синьцзяне, СССР отклонил просьбу его лидеров о помощи²⁶⁶.

В дальнейшем в официальных заявлениях Кремль позиционировал свою линию в отношении Синьцзяна как направленную на поддержку внутривосточной стабильности в регионе, обосновывая ее общностью интересов Москвы и Нанкина. Так, в директиве Политбюро ЦК ВКП(б) от августа 1933 г. отмечалось: «Считать неприемлемым поддерживать лозунги и политику отделения Синьцзяна от Китая»²⁶⁷. Конкретизируя решения Политбюро, заместитель НКВД Г.Я. Сокольников сообщал полпреду СССР в Китае Д.В. Богомолу: «Мы будем проводить твердую линию на сохранение суверенитета Китая в Синьцзяне и ни в коем случае не будем поддерживать какие-либо сепаратистские движения»²⁶⁸. Аналогичное заявление содержалось в письме заместителя НКВД Б.С. Стомонакова к Богомолу от 9 июля 1934 г.: «Реальным объектом сотрудничества с нанкинским правительством представляется нам в настоящее время Синьцзянская провинция, в отношении которой интересы СССР и Китая объективно полностью совпадают, поскольку мы безрезервно заинтересованы в сохранении суверенитета в Синьцзяне»²⁶⁹. В июле 1934 г. в письме И.В. Сталина, В.М. Молотова, К. Е. Ворошилова к Шэн Шицаю также подчеркивалось: «Мы считаем неприемлемым мнение о необходимости скорейшего осуществления коммунизма в Синьцзяне... Мы также считаем неправильным мнение о целесообразности для Синьцзяна свергнуть нанкинское правительство... Задача состоит в том, чтобы бороться против всего того, что может ослабить Китай»²⁷⁰. Цель этих маневров состояла в обеспечении лояльности Национального правительства к действиям Москвы.

Однако Нанкин был обеспокоен советским экономическим и военным присутствием на северо-западе Китая²⁷¹. Опорой Шэн Шицаю, управлявшего Синьцзяном с апреля 1933 г., являлись русские наемники и китайские войска, вытесненные из Маньчжурии в 1932–1933 гг. Они составили так называемую «Алтайскую добровольческую армию»²⁷². В январе 1934 г.

для подавления восстания дунган, возглавленного генералом Ма Цзуином, в Синьцзян была направлена группировка РККА, численностью 7—10 тыс. человек, под командованием заместителя начальника Главного управления погранохраны и войск ОГПУ²⁷³ Н. Кручинкина²⁷⁴. Военными советниками при дубане состояли А.К. Маликов и П.С. Рыбалко. После окончания активной фазы операции войска РККА были выведены в СССР, но кавалерийская группа (по разным данным, 350—1000 человек) и несколько десятков советников остались в Синьцзяне²⁷⁵. К середине 1930-х гг. регион прочно вошел в сферу влияния Москвы.

Нестабильность обстановки нагнеталась за счет регулярных публикаций в иностранной прессе, представлявших действия Москвы как попытку «советизации» Синьцзяна с целью последующего его отторжения от Китая. В 1935 г. такие заявления сделали многие информационные агентства. 17 марта 1935 г. токийская газета «Синбун Ренго» сообщила, что в Синьцзяне «китайские товары являются роскошью, а советские считаются товарами первой необходимости»²⁷⁶. 21 марта публикация в лондонской «Морнинг пост» говорила о постепенном захвате китайского рынка Советским Союзом. В ней подчеркивалось, что «Синьцзян фактически отделился от Китая и занят советской Красной армией»²⁷⁷. 20 апреля Ассошиэйтед Пресс констатировало: «Крупные части советских войск, которые переброшены в Синьцзян, фактически берут власть в свои руки, поддерживают усилившееся торговое проникновение в СССР»²⁷⁸. 10 мая рижское агентство Ригаше Рундшау заявило, что провинция «фактически объединилась с СССР»²⁷⁹. Однако корреспондент «Таймс» П. Флеминг в статье от 18 декабря 1935 г. отметил, что «СССР не стремится объявить в Синьцзяне советскую республику» и не ведет в провинции «интенсивной пропаганды». Это объяснялось «желанием не провоцировать Японию», тем более что «советское правительство в настоящее время может делать все, что ему угодно в Синьцзяне, под номинальным фасадом верности синьцзянского правительства Нанкину». Истинный интерес Москвы автор статьи видел в том, что «наличие советских советников в Урумчи сегодня является противовесом присутствию завтра отделения военной миссии Квантунской армии»²⁸⁰.

Таким образом, декларируя политику защиты территориальной целостности Китая, Кремль фактически проводил курс на установление в Синьцзяне лояльного, зависимого от СССР режима. Было задействовано четыре основных механизма укрепления влияния. Первый – через прямое военное вмешательство для подавления мятежей, с которыми не могли справиться местные власти. Второй – посредством предоставления кредитов (в 1934 г. на сумму в 5 млн золотых рублей, в 1937 г. – на 15 млн рублей). Третий, идеологический, предполагал обращение к политике национального равенства, в сочетании с идеей «классовой борьбы». Четвертый – через формирование при администрации Шэн Шица советского советнического аппарата²⁸¹.

Москва стремилась обрести опору в регионе, чтобы нейтрализовать действовавшие в нем вооруженные отряды из бывших белогвардейцев; не допустить создания в Синьцзяне прояпонского марионеточного государства типа Маньчжоу-Го; сформировать плацдарм для контактов с КПК, а по возможности и для проникновения через Лобнор в Южную Монголию²⁸².

Чан Кайши был не менее заинтересован в установлении своего контроля над Синьцзяном, который однозначно считал частью китайской территории. Этот богатый минеральными ресурсами регион должен был сыграть заметную роль в обеспечении промышленной базы и стать залогом будущего роста экономики страны в целом. Советское присутствие в Синьцзяне было, по его мнению, эквивалентным японскому влиянию в Маньчжоу-Го и противоречило политике ГМД на создание сильного и независимого Китая²⁸³. Однако, несмотря на желание не допустить, чтобы северо-западные провинции попали в зависимость по типу Маньчжурии

или стали таким же автономным субъектом, как Внешняя Монголия, Чан Кайши реально оценивал силы Национального правительства и проявлял осторожность в этом вопросе²⁸⁴.

В вопросах, касавшихся Монголии, диалог СССР и Китая также складывался сложно. В 1930-х гг. стратегическое значение МНР существенно возросло. Концентрация японских войск вблизи монгольской границы представляла прямую опасность для СССР. В случае оккупации МНР Квантунская армия получила бы выход к советским рубежам в Забайкалье, что резко повышало уязвимость Дальнего Востока и Восточной Сибири. Повод для беспокойства давали участвовавшие в конце 1935 – начале 1936 г. вооруженные провокации японцев в районе Тамцак-Булакского выступа²⁸⁵. В связи с этим в 1935–1936 гг. основные усилия Москвы на Дальнем Востоке были нацелены на создание приграничной буферной зоны. Укреплялись военно-политические связи СССР и МНР. Однако Китай традиционно считал Внешнюю Монголию своим протекторатом. В этой связи прямые контакты Москвы и Улан-Батора вызывали недовольство Нанкина.

Кремль опасался возможного сговора Нанкина и Токио о совместных действиях против СССР и МНР. Вероятность подобного соглашения была рассмотрена советским полпредом в Японии К. Юрневым в донесении от 17 января 1936 г. М.М. Литвинову и Б.С. Стомонякову. В документе отмечалось, что Япония не была готова предложить программу сближения, способную заинтересовать нанкинское правительство. Это объяснялось тем, что Китай мог пойти на обострение отношений с СССР в вопросе Внешней Монголии и Синьцзяна в обмен на возврат Маньчжурии. Однако данный сценарий был не приемлем для Токио, а следовательно, охлаждение советско-китайских отношений оставалось не выгодно для Нанкина²⁸⁶. Придя к выводу, что возможность японо-китайского альянса достаточно низка, Москва активизировала контакты с Улан-Батором.

12 марта 1936 г. МНР и СССР подписали Протокол о взаимопомощи в случае нападения какой-либо третьей стороны²⁸⁷. Расширилось их военное сотрудничество. В июле 1936 г. в соответствии с достигнутой договоренностью Советский Союз направил в Монголию мотоброневою бригаду. Ее присутствие в значительной мере стабилизировало обстановку в Тамцак-Булакском выступе²⁸⁸.

Однако советско-монгольское соглашение и ввод контингента РККА на территорию МНР воспринимались гоминьдановским правительством как попытка проникновения в традиционную сферу интересов Нанкина и одностороннего пересмотра положений Пекинского договора 1924 г. (определявшего официальный статус Внешней Монголии как административной единицы Китая). Тем более что от заявления о признании Пекинского договора в приложение к Протоколу о взаимной помощи с СССР Улан-Батор отказался²⁸⁹. В связи с этим 7 апреля 1936 г. МИД Китая выступил с нотой протеста. В ней отмечалось, что «поскольку Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики, никакое иностранное государство не может заключать с ней какие-либо договора или соглашения»²⁹⁰.

НКВД отреагировал на ноту уклончиво. В заявлении от 8 апреля 1936 г. М.М. Литвинов заверил Нанкин: «Ни факт подписания протокола, ни отдельные его статьи ни в малейшей степени не нарушают суверенитет Китая, не допускают и не заключают в себе каких-либо территориальных притязаний СССР в отношении Китая или МНР... Советско-китайское соглашение 1924 г. не потерпело никакого ущерба и сохраняет свою силу»²⁹¹. Нота Литвинова подтвердила действие Пекинского договора 1924 г., но не сняла неопределенность статуса МНР. Для СССР было важно сохранить военное присутствие в Монголии. Изменить это положение путем обмена нотами было невозможно. Москва и Нанкин продолжали формальную дипломатическую игру лишь в целях «сохранения лица»²⁹².

Таким образом, к середине 1930-х гг. СССР и Китай столкнулись с опасностью японской экспансии и были заинтересованы в ее сдерживании. Однако наличие неурегулированных вопросов снижало взаимное доверие сторон. Москва не исключала, что Нанкин предпримет попытку переориентировать японскую агрессию на север, пойдя на компромисс с Токио и выступив против советского присутствия в Монголии, Синьцзяне. Основания для подобных выводов давали встречи, проведенные в начале 1935 г. Ван Цзинвэем и Чан Кайши с японскими представителями в Китае. Предметом обсуждения на них являлись перспективы урегулирования маньчжурского инцидента, совместной борьбы с КПК, возможности экономического сотрудничества и вопрос о подавлении антияпонского движения в стране²⁹³. Руководство ГМД отдавало отчет в том, что Токио пытался заставить нанкинское правительство принять условия, которые в будущем могли привести его под власть Японии. Маневры Китая были обусловлены не столько надеждой на нормализацию отношений с Японией, сколько задачей отсрочить военный конфликт и привлечь к противодействию Токио усилия иностранных держав.

Однако Чан Кайши не доверял и мирным инициативам И.В. Сталина. Лидер ГМД писал: «...У Японии и Советского Союза была одна общая цель: изолировать Китай от западных держав, и особенно от США, чтобы превратить его в легкую добычу одной из этих двух стран или их обеих. Поскольку и Япония, и Советский Союз вынашивали одни и те же захватнические планы в отношении Китая, они легко могли договориться о разделе нашей страны в случае, если бы им пришлось противодействовать западным державам»²⁹⁴. Выход из сложившейся ситуации, «из этого заколдованного круга» Чан Кайши видел только в преодолении с помощью дипломатии «рамки дальневосточного треугольника (Китай – Япония – Россия)... Логическим выводом из такого более широкого взгляда на вещи была постановка перед дипломатическим ведомством Китая задачи углубления сотрудничества со всеми демократическими государствами – членами Лиги Наций. Но в рамках этого курса следовало предпринять меры для улучшения отношений с Советским Союзом»²⁹⁵.

Реакция мирового сообщества на вторжение Японии в Маньчжурию продемонстрировала, что Европу и США мало интересовали события в Китае. Представителей Лиги Наций беспокоило лишь поддержание стабильности системы международных отношений, сформировавшейся после Первой мировой войны. Поскольку действия Японии напрямую не затрагивали договоров с Западом, то державы ограничились выражением недовольства политикой Токио, воздержавшись от вмешательства в конфликт.

Весьма показательным в этом аспекте является заявление госсекретаря США Г. Стимсона от 8 января 1932 г., в котором отмечалось, что Вашингтон не имеет намерения оспаривать права Японии в Маньчжурии, если они соответствуют договорам и не окажут неблагоприятного влияния на положение США²⁹⁶. Англия, интересы которой были сконцентрированы в Шанхае и долине Янцзы, также не видела необходимости во вмешательстве. Вместе с Францией они надеялись, что экономическое соперничество Японии и США приведет к их взаимному ослаблению. Внимание Лондона и Парижа было сконцентрировано на событиях в Европе, а их политика на Дальнем Востоке характеризовалась пассивностью²⁹⁷. Германия, лишившаяся после Первой мировой войны всех своих владений в Китае, с 1928 г. поддерживала связи с Нанкином в военной сфере и торговле, но не была склонна вмешиваться в дальневосточный конфликт, предоставив возможность другим державам решать этот вопрос²⁹⁸.

В данных обстоятельствах сближение с СССР отвечало интересам Чан Кайши. Он рассчитывал таким образом активизировать антияпонскую политику в Лиге Наций и США и найти союзников для сдерживания экспансии Токио. «Внутренним» мотивом для такого сближения стало стремление Чан Кайши использовать усиление националистических настроений в Китае для укрепления своих позиций в Гоминьдане, противопоставив курс на сопротивление Япо-

нии политике компромиссов Ван Пдинвэя²⁹⁹. В связи с этим Нанкин поддержал инициативы Кремля по созданию системы коллективной безопасности через заключение Тихоокеанского пакта.

Однако надежды ГМД на вмешательство Лиги Наций или США, на поворот в политике Англии и образование англо-американского фронта против Японии не сбылись. Великобритания продолжала свою соглашательскую политику, а в США ждали, когда развитие англо-японских противоречий заставит Лондон выйти на передние позиции борьбы с Японией³⁰⁰.

Пассивность западных держав подталкивала Чан Кайши к сотрудничеству с СССР, который не представлял для Китая прямой военной опасности, поскольку был заинтересован в противодействии Японии на континенте. Так как и Китай, и СССР находились в оборонительной позиции, для них было важно обеспечить безопасность тыла. В 1935 г. стратегия Кремля была переориентирована на привлечение всех заинтересованных сил к созданию широкого антифашистского фронта. Это было закреплено в материалах VII конгресса Коминтерна.

Что касается внутривосточной ситуации в Китае, то успехи военных походов против КПК изменили ее в пользу Гоминьдана. Он оказался единственной силой, реально способной противостоять Японии. Несмотря на большую близость идеологической платформы КПК, НКВД СССР не мог рассматривать ее в качестве перспективного союзника.

Политическая линия Мао Цзэдуна означала войну на два фронта – против Японии и ГМД³⁰¹. Резолюция Политбюро ЦК КПК «О современном положении и задачах партии» от 25 декабря 1935 г. ориентировала партию на организацию общенационального движения «для борьбы против главного врага на данном этапе – японского империализма и главаря национальных предателей – Чан Кайши»³⁰². По существу, это был призыв к созданию военно-политического блока для продолжения борьбы с нанкинским режимом. В отношении японской угрозы руководство КПК надеялось, что все решит неизбежное столкновение Москвы и Токио, которое приведет к мировой войне и, как следствие, мировой революции³⁰³. В отмеченном выше документе ЦК КПК по этому поводу говорилось, что в силу безуспешности предпринятых Советским Союзом «миролюбивых акций» и усиления провокаций со стороны Японии «СССР всегда готов выступить против этого агрессора»³⁰⁴. Таким образом, противодействие Токио позиционировалось как общая цель «китайской революции, японской революции и борьбы СССР против этого агрессора»³⁰⁵.

Уверенность в неизбежности советско-японского вооруженного конфликта Мао Цзэдун подтвердил в интервью американскому журналисту Э. Сноу летом 1936 г.: «Борьба против японского империализма – это задача, имеющая всемирное значение, и Советский Союз, как часть мира, не сможет остаться при этом нейтральным»³⁰⁶. Действуя с этих позиций, КПК в 1936 г. сосредоточила силы на противостоянии с ГМД.

На дальнейшем развитии отношений КПК и ГМД сказался подъем в Китае националистических настроений. С одной стороны, среди ряда членов Гоминьдана укреплялась уверенность в неизбежности войны с Токио и росло осознание необходимости временного альянса со своими политическими оппонентами. С другой стороны, патриотическая волна могла способствовать ликвидации того критического положения, в котором оказалась КПК. Директивы Коминтерна ставили перед китайскими коммунистами задачу придерживаться курса на создание в стране единого антияпонского фронта. Проводником этих идей был руководитель делегации КПК в ИККИ Ван Мин, оппонировавший политике Мао Цзэдуна на продолжение бескомпромиссной борьбы с ГМД. В компартии была усилена пропаганда необходимости прекращения гражданской войны. В качестве главного аргумента выступало утверждение, что продолжение внутренней вражды может быть выгодно только пособникам Токио. Пересмотр позиций КПК и ГМД в сторону консолидации сил для сопротивления агрессии Японии про-

изошел в конце 1936 г. на фоне острого политического кризиса, известного в истории как «Сианьские события (Сианьский инцидент)» – ареста Чан Кайши генералами Чжан Сюэляном и Ян Хучэном во время его поездки в Сиань.

Предпосылкой к нему стало соглашение о совместной борьбе с интервентами, заключенное на волне подъема антияпонского движения, между КПК и генералами Чжан Сюэляном (губернатор провинции Шэньси) и Ян Хучэном (командующий 17-й армией ГМД). Однако 27 октября 1936 г., прибыв в г. Сиань вместе с представителями нанкинского правительства, лидер ГМД потребовал разрыва договоренностей с компартией и организации военной экспедиции в подконтрольные ей районы³⁰⁷. Такая позиция не устраивала генералитет северо-западных провинций. Это подтверждает запись, сделанная Чан Кайши в дневнике 11 декабря 1936 г. после встречи с одним из командиров армии Чжан Сюэляна: «Во время разговора со мной Ли выразил сомнение относительно правильности политики, направленной к подавлению бандитов (сторонников КПК. – И. В.). Его мнения по этому вопросу совпадали с мнениями Чжан Сюэляна»³⁰⁸.

В ночь на 12 декабря 1936 г. Чжан Сюэлян и Ян Хучэн арестовали Чан Кайши и сопровождавших его военных и политиков (среди них были Чжу Шаолян, Шао Лицзы и др., всего 17 человек)³⁰⁹. Им были предъявлены требования из восьми пунктов, принципиальное значение из которых имели следующие: «Реорганизация нанкинского правительства на основе включения в него представителей всех партий и группировок для совместной борьбы за спасение родины. Прекращение всякой гражданской войны. Сопrotивление японскому вторжению на территорию Китая»³¹⁰.

Действия Чжан Сюэляна и Ян Хучэна осложнили ситуацию в Китае. Страна оказалась перед перспективой нового витка гражданской войны. Однако в ходе переговоров, поддержанных СССР и Коминтерном, КПК и Гоминьдан достигли компромисса³¹¹. 25 декабря 1936 г. Чан Кайши был освобожден из-под ареста. КПК и ГМД пришли к соглашению прекратить гражданскую войну и начать обсуждение вопроса о едином фронте. Была достигнута неофициальная договоренность, по которой Гоминьдан отказался от требования ликвидировать советский район и преследования войск КПК. Компартия, в свою очередь, обязывалась преобразовать Красную армию в особую часть НРА³¹².

КПК вновь обрела статус официальной политической силы, но по-прежнему не обладала необходимой экономической базой, влиянием и общественной поддержкой для того, чтобы стать лидером единого фронта. В итоге в ходе японо-китайской войны 1937–1945 гг. именно Гоминьдану предстояло возглавить оборону страны.

К 1936 г. японские войска укрепились в Маньчжурии. В 1936–1937 гг. Токио был разработан план оккупации Северного, Центрального и Южного Китая силами 9—И дивизий. Основными целями для императорской армии были захват Пекина, Тяньцзиня, Шанхая, Ханчжоу, Фучжоу и др. Предполагалось, что занятие этих городов с прилегающими районами позволит Японии контролировать весь Китай, захват которого намечалось осуществить за два-три месяца³¹³. К лету 1937 г. планирование военной кампании было закончено, а войска подготовлены к нападению. В составе сухопутной группировки насчитывалось 17 полностью укомплектованных и оснащенных пехотных дивизий³¹⁴. ВМФ Японии состоял из 4 линкоров, 12 тяжелых и 16 легких крейсеров, 23 эсминцев, более 240 боевых кораблей и судов, сведенных в эскадры, базировавшиеся в Куре, Сасебо и Нагасаки³¹⁵.

К началу войны вооруженные силы Китая только номинально были едины. В их состав входили гоминьдановская регулярная армия, войска провинциальных милитаристов и Красная армия. Все они имели различную организацию, а также численность дивизий и бригад. В армии ГМД и милитаристов было 113 пехотных, 11 кавалерийских дивизий, 29 отдельных пехотных

и смешанных, 11 отдельных кавалерийских бригад, 5 отдельных артиллерийских бригад, 21 отдельный артиллерийский полк, 2 авиаполка. Всего в подчинении ГМД находилось 2 378 970 солдат и офицеров³¹⁶. Однако, несмотря на численное превосходство над японской группировкой, китайская армия имела неудовлетворительное материально-техническое обеспечение и плохо владела современными методами ведения войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.